

А. КАЛГАН

ЛЕТО КРАСНОЕ

Издательство „Детская литература“

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА -
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

~~01.03.2017~~
01.07.2017

Воск. тип. Т. 2.000.000 З. 1675—68

С (448)
К 17
4

А. Каман

**ЛЕТО
КРАСНОЕ**

П О В Е С Т Ь

*С чувашского
перевела
И. Кудрявцева*

*Рисунки
А. Николаева*

М О С К В А

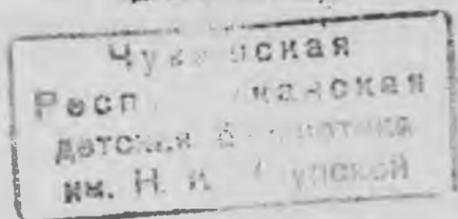
„Детская литература“

1 9 7 3

«Лето красное» было не только порой счастливых каникул, пионерских лагерей, крепкой дружбы с новыми друзьями. Для героя этой повести Вадика и его товарищей оно было ещё и порой познания новых жизненных обстоятельств, новых, не всегда лёгких забот...

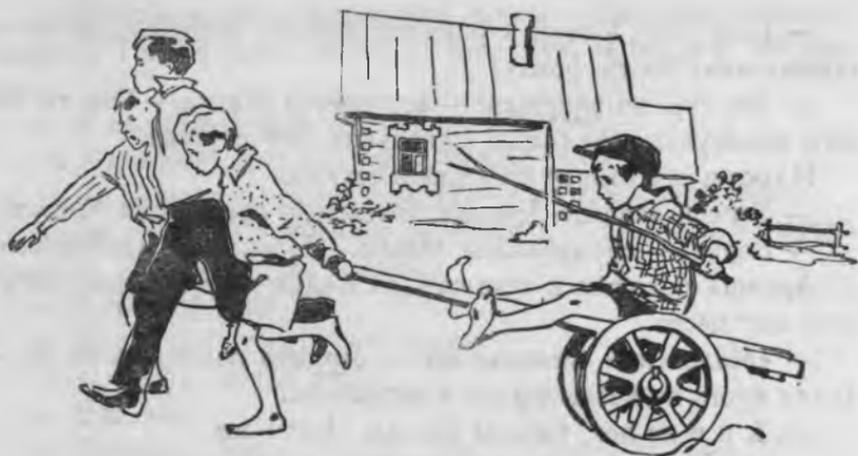
Книгу эту написал чувашский писатель Александр Калган. Она уже давно полюбилась его юным землякам. А перевод на русский язык делает её достоянием всех советских маленьких читателей.

0
256315 0

Перевод на русский язык.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г.

РЫСАКИ

— Ге-ге-гей! Фью-у-у! А ну, пошли, пошли, соколики! А ну, с ветерком!

По зелёному, заросшему травой-муравой проулку мчится, скачет разномастная тройка. Коренник — длинноногий поджарый Микуль, пристяжные — чернявый крепыш Илька и Аркаша — белоголовый одуванчик. А за кучера — рыжий, зеленоглазый Вадик.

— Ге-ге-гей! Гони шибче! — надрывается он, размахивая над головой тонким ивовым прутиком.

Низенькая тележка-двуколка гремит колёсами, левая рука Вадика намертво впилась в занозистые доски. Мелькают, убегают назад бурые плетни, хлещут по ногам метёлки лебеды и полыни. Эх, хорошо!

Но вот и конец проулка. Тройка круто развернулась и остановилась.

— Чего встали? Но-о, пошли! — кричит Вадик.

— Погоди... Дай вздохнуть... Упыхался... — отдуваясь, отвечает Аркаша.

— Ещё чего! Коням в упряжке бежать положено, а ты — «упыхался»? Эх ты, рохля!

— Эй, чур, не ругаться! — вступается Ильяка.— Что ты на него накинулся? Он самый маленький, вот и устал.

Ильяка и сам был не прочь передохнуть.

— Теперь давайте Аркашу повезём,— предложил Микуль.

— Верно! — обрадовался Ильяка.— Прокатим маленького!

Аркаша подошёл к тележке, но Вадик и не подумал уступить ему место.

— «Маленький, маленький!»! — сердито передразнил он.— Тогда пусть не лезет играть с большими!

— А я и не лез, ты сам позвал. Пусти же.

— Не пушу! Я ещё не накатался. И коляска моя!

— Ну и что же, что твоя? — озлился Микуль.— Может, за это мы тебя весь день должны катать? Кулак ты, больше никто!

— А ты их видел, кулаков? — покосился на приятеля Вадик.

— Мне батя рассказывал. Он их сам раскулачивал, ещё когда комсомольцем был.

— А мой папка бил фашистов. Ему за это два ордена дали, и ещё медалями наградили. Три штуки — во! — неожиданно заявил Аркаша.

— Моего папу на фронт не посылали, он в тылу был, в колхозе работал. Его тоже наградили орденом — «Знак Почёта»! — не отстал от Аркаши Ильяка.

— А мой на войне погиб...— тихо сказал Вадик.— Я и не помню его совсем...

— Врёшь ты всё! — возмутился Аркаша.— Твой отец вас бросил, в город подался.

— Вернётся,— успокоительно протянул Микуль.— Он что ни год — по Волге ездит, картошкой торгует.

— Вовсе это не мой отец. Говорю вам — мой папа на войне погиб.

— А чего же ты тогда дядю Колю отцом звал? — ехидно спросил Аркаша. Он никак не хотел поверить Вадиду.

— Просто не знал, что он мне чужой,— спокойно объяснил Вадик.— Только когда он уехал насовсем, мама мне всё сказала.

— А не врёшь? Дай честное пионерское!

Ох и липучий этот Аркашка, сущий репей!

— Да ладно тебе цепляться! Ну — честное пионерское...

Вадик сказал и покосился на Микуля с Илькой. Оба хмуро молчали. И вдруг Илька спросил:

— А он тебя бил?

— Кто — он? — не понял Вадик.

— Ну, этот... отчим твой.

— Ещё как...

— Значит, и верно чужой. Родной пожалел бы.

— Меня мой папа никогда не бьёт! — радостно возвестил Аркаша.

— Будет хвастать! Нашкодишь — ещё как выдерет-то! — заверил его Микуль.

Ребята рассмеялись. И на душе стало легче, и все как-то по-новому, по-доброму поглядели друг на друга.

— Ну, сивка-бурка, отдохнул? — спросил Илька, легонько хлопнув Аркашу по плечу.

— Конечно, отдохнул! — отозвался за него Микуль.

— А я и не уставал вовсе.

— Тогда поехали. Держись, Вадик!

— Нет, не меня... Пусть Аркаша садится,— совсем уж неожиданно заявил Вадик, соскакивая с повозки.

— Нет! Нет! Мы тебя прокатим! Тебя! — наперебой закричали «кони».

И помчалась тройка быстрее ветра.

НА РЕКЕ

Течёт вдоль зелёных лугов, посверкивает на солнышке ласковая речка Шурлан. На берегу Шурлана сидит Вадик. Возле него -- банка с червями, чуть подалее — ведёрко с во-

дой, и в нём уже плещутся две серебристые краснопёрки да полосатый окунишка.

А какая на Вадике шляпа! Соломенная, с широченными полями. Вадик обнаружил её на чердаке, когда лазил за удочкой. Это ещё дедова шляпа. Дед был мастер ловить рыбу, всегда приносил с Шурлана полное ведро. А рыбачил он в этой шляпе. «Она, верно, счастливая,— решил Вадик.— Надену-ка её, тогда и мне повезёт».

Правда, шляпа здорово велика — то на нос наедет, то на затылке еле держится, но это неважно, главное — чтобы рыба ловилась. Ребята — разве они что понимают? Нынче утром, когда он вышел к речке с удочкой на плече, с ведёрком в руке, в лихо заломленной на затылок шляпе, какой-то чужой мальчишка заорал:

— Глядите-ка, чучело огородное рыбачить идёт!

Ну, Вадик и шмыгнул в заросли тальника. Микуль кричал, звал его, но Вадик не откликнулся.

«Ну их! — думал он.— Я тут больше наловлю. Там кричат, купаются. Разве в таком шуме рыба клевать будет? А тут тихо и место хорошее. Вот наловлю полное ведро, тогда пусть лопаются от зависти. И мама обрадуется, скажет: «Молодец, сынок! Зря я тебя лоботрясом обзывала!» А я ей: «Нет, мам, не зря. Прежде я и правда только собак гонял, а теперь вот — добытчиком стал. Каждый день буду приносить свежую рыбу. Пусть хоть полведра — всё равно и на уху хватит и поджарить».

Так размечтался Вадик. От приятных мыслей зелёные глаза его разгорелись. Эх, хорошо, когда тебе везёт!

Однако прошло уже довольно много времени с тех пор, как Вадик вытащил последнюю рыбёшку. Солнце стояло высоко. И куда это вся рыба подевалась? Почему не клюёт? Может, она солнца боится? Или какая-нибудь хитрая рыбина утащила насадку? Проверил — нет, цела.

— Ничего, сейчас я их приманю! — сказал себе Вадик и принялся бросать в воду маленькие комочки земли.

Они с тихим бульканьем уходили под воду, оставляя мут-

ный след. Вадик не спускал глаз с поплавка, но тот словно вмёрз в воду. Сосчитал до ста — рыба всё не клевала.

«Ладно, буду считать до тысячи,— решил он.— Если и тогда не клюнет, пойду домой».

Но Вадик успел сосчитать только до десяти.

— Привет рыбаку,— сказал кто-то позади него раскатыстым басом.

Вадик вздрогнул, оглянулся. У самого края обрыва стоял здоровенный человек в защитной гимнастёрке и военной фуражке. Правая рука его опиралась на палку, левая пряталась за спиной. Стоял этот дядя, разглядывал Вадика и усмехался себе в усы.

Кто он такой? И чему смеётся? Не знает, что ли, что на рыбалке шуметь нельзя? Вадик и не подумал ему отвечать. Тогда незнакомый человек отыскал отлогое место и, тормозя палкой, стал спускаться вниз. Вот он уже возле Вадика.

— Ну как, много ли поймал? — уже шёпотом спросил он.

Вадик ничего не сказал, только кивнул на ведёрко. Незнакомец заглянул в него и покачал головой:

— Да-а, брат, ушица-то жидковата будет!

Ну вот, и этот смеяться пришёл! Небось думает — не умеет парень рыбу взять. Известное дело — горе-рыбак!

— Совсем клевать перестала...— сердито буркнул Вадик.— К дождю, видно...

И покосился на небо. А там — ни облачка.

— К дождю, говоришь? Хорошо, если так. Дождь сейчас хлебам ой как нужен!

Вадик взглянул на незнакомца попристальнее.

— Вы кто будете? Агроном? — А про себя подумал: «Что это он всё руку прячет? Тоже небось раненый. Во гады, фашисты!»

— Нет, браток, не агроном я. Давай знакомиться: Максим Петрович, агент по заготовке кожсырья. А тебя как звать-величать?

— Вадик.

— Та-ак. А в каком классе учишься?

— В пятый перешёл.

— Да ты совсем большой мужик! Тогда гляди, кого я добыл! — И Максим Петрович стремительно, будто фокусник, выставил из-за спины руку. В ней оказался небольшой серый зверёк.

— Су-услик! — оторопело протянул Вадик.— Он живой?

— Был живой, да я его палкой пришиб. Их нынче по суслоду развелось видимо-невидимо! Вот на кого вам, ребятам, охотиться надо.

Максим Петрович отчего-то тяжело вздохнул и положил суслика на траву.

— А на что они нам? — пожал плечами Вадик.

— Как — на что?—сразу загорячился Максим Петрович.— Как — на что? Шкурки продавать будете. За каждую шкурку вот такого взрослого суслика государство платит по шестьдесят копеек!

— За шкурку суслика — шестьдесят копеек?!

— А ты думал сколько? Добыл десять шкурок — вот тебе и шесть рублей. Хочешь — конфет купи, хочешь — пряников. Но главное...— Тут Максим Петрович враз посерьёзней.— Главное, что суслики — враги полей наших! Ты знаешь, сколько этот чёртов суслик за лето зерна потравит? До сорока килограммов с гектара! А десять, а двадцать сусликов? Вагоны хлеба пропадают!

— Ну и вредные! — возмутился Вадик.— Что же нам об этом раньше не говорили?

— Зря не говорили. Я бы пришёл к вам в школу, да вот каникулы, нет никого...

— Я сам расскажу ребятам! Я знаю, как этих обжор брать надо: залить норку водой, суслик выскочит, ну и бей его палкой!

— Верно! — одобрил Максим Петрович.— А шкурку снять сумеешь?

— Ещё бы! Я видал, как дед Магась хорька обдирал. Только хорёк побольше будет.

Сверху послышался автомобильный гудок.

— Это за мной! — сказал Максим Петрович.— Так ты скажешь ребятам про сусликов?

— Ладно.

Снова часто загудела машина.

— Иду, иду! — громко крикнул Максим Петрович, карабкаясь вверх по откосу.— Вадик! Этого суслика возьми себе. И успеха вам! Я приеду через три недели.

Вадик подошёл к суслику, поднял ещё тёплую увесистую тушку. Мягкая серая шкурка с тёмными пятнышками красиво поблёскивала на солнце.

«Если я добуду десять шкурок... Нет, лучше двадцать, то получу за них... шесть и шесть... двенадцать рублей! А за лето можно набить и сто сусликов! Сто шкурок по шестьдесят копеек, это будет...— Вадик не сразу сообразил размеры своих будущих доходов и принялся выводить цифры пальцем на песке.— Шестьдесят рублей! Ух ты-ы!»

Вадик так обрадовался, словно деньги эти уже лежали

у него в кармане. И тут фантазия совсем его закружила. Шестьдесят рублей — это тебе не жук начхал! На такие деньги и книги купить можно, и коньки. Может, и на конфеты хватит. Главное, он у мамы не станет больше денег просить. Сам заработает. А она на свои деньги пусть всё себе покупает. Вон, говорят, в сельпо платки красивые — белые, с цветами. У матери Микуля такой. А может...

У Вадика даже дух захватило от восторга. Он в один миг собрал снасть, засунул шляпу в ведро и чуть ли не бегом пустился к дому. Теперь он знал, что будет делать с деньгами, которые заработает на сусликах: купит маме белый платок с красивыми цветами. На обратном пути из сельмага он обязательно повстречает Ильку с Микулем.

«Ты в сельмаге был?» — спросит Микуль.

«Ага».

«А что покупал?»

«Подарок для мамы».

«Покажи, какой!»

«На, гляди».

«Ой, платок!» — ахнет Илька.

«У моей мамы — точь-в-точь такой, — скажет Микуль. — Белый и с цветами».

«Такой, да не совсем, — обрежет его Вадик. — Мой лучше. Твоей маме отец покупал, а этот — я сам, на свои деньги».

«На какие на свои?» — удивятся ребята.

«Очень просто. Сам заработал».

«Ну да! Как это? Расскажи!»

«Много будете знать — скоро состаритесь!» — ответит Вадик и гордо зашагает к своей избе.

Не-ет, не скажет Вадик ребятам, как заработал эти деньги. Очень ему надо делиться таким важным секретом с Илькой и Микулем! Особенно после сегодняшнего, когда чужой мальчишка обозвал Вадика огородным чучелом, а они и не подумали вступить за товарища. «Заступятся они, как же, держи карман! Небось и сами смеялись!..»

Вот что думал Вадик по дороге к дому. А между прочим,

напрасно. Ильяка и Микуль над ним не смеялись. Наоборот, они звали Вадика к себе и, уж верно, не дали бы его в обиду, если бы даже и кулаки пришлось в ход пустить. Вадик очень не любил, когда над ним смеялись. Да и кто же это любит? Но он не захотел встретиться со своим обидчиком лицом к лицу, нырнул в кусты, не откликнулся на призывы Ильки и Микуля. Что им оставалось делать? Вот и теперь Вадик решил миновать улицу и пробирался к дому огородами, чтобы ненароком не встретиться с ребятами.

Дойдя до своего огорода, Вадик свернул к приютившейся под развесистой ветлой старой баньке. Огляделся вокруг — не видит ли его кто, и шмыгнул в предбанник. В углу у двери поставил ведёрко, прислонил к стене удочку. Немного постоял, вслушиваясь в тишину, в непонятные шорохи, доносившиеся откуда-то с потолка, в который раз повторил себе, что чертей и домовых не бывает, что всё это — бабкины байки, и рывком распахнул дверь бани. Оттуда пахнуло сыростью: банька давно стояла нетоплена, ещё с весны, когда развалилась каменка. Сюда и не ходил-то никто. Вадик решил, что тут он будет сусликов обдирать, а шкурки сушить на чердаке. Тогда уж никто не прознает о его секрете! Максим Петрович приедет через три недели. Если добывать по пять сусликов в день, то к его приезду у Вадика накопится сто шкурок. Шестьдесят рублей! Только разве такую уйму тайком продашь? Обязательно кто-нибудь пронюхает. Ну и пусть. Вадик своё получит — и ладно. Он не жадюга, не в отчима пошёл. Потом сам расскажет ребятам, как можно заработать. Но поначалу выловит хоть тех сусликов, которые у реки живут. А то потаскайка воду в поле — руки отвалятся. Не-ет, Вадик не дурак, его не проведёшь!

Суслика Вадик оставил в бане, а сам через заднюю калитку прошёл во двор. В ту же минуту из погреба показалась его мама с крынкой молока в руках.

— А-а, пришёл, рыболов! Вовремя поспел, сейчас обедать будем.

Вадик зашагал рядом с ней.

— Мам, я тут рыбы наловил, двух краснопёрок и окуня.

— Ну-ка, покажи!

— Вот.— Вадик протянул ладонь, на которой помещался весь его улов.— Поджаришь?

— Ну что ж тут жарить, сынок? На один зуб — и то не хватит! Отдай лучше Ваське, пусть полакомится.

Баловень семьи, кот Васька, принялся за рыбу, а Вадик с матерью пообедали горячей картошкой, сваренной в мундире, вкусным чёрным хлебом и молоком.

— Мам, чего это дед Магась говорил, что мне в ноябре двенадцать минет? Я ведь родился второго декабря. Верно?

— Конечно, сынок. Дед Магась всё старым стилем живёт. Это раньше, до революции, так считали, на тринадцать дней календарь отставал.

— А твой день рождения как считать надо? — хитро прищурившись, спросил Вадик. Он недаром завёл разговор, придуманный ещё по дороге.

— Я ровесница Октября. Так и считай.

— А какого числа?

— Ты что, не знаешь, когда праздник Октябрьской революции отмечают? — спросила в свою очередь мать.

— А-а, понял! — обрадовался Вадик.— Значит, твой день рождения в самый-самый праздник. Ещё не скоро.

На том обед и кончился. Мама перемыла посуду, покормила поросёнка и ушла на ферму.

Едва только Вадик остался один, как тоже принялся за дело: прихватив маленький острый ножик, которым мама обычно чистила картошку, он отправился в баню снимать шкурку с суслика. Ну и трудная оказалась работа! Даже в двух местах руку порезал, пока приноровился. Но вот наконец шкурка была снята. Вадик распялил её на прутике, срезанном со старой ветлы, и отнёс на банный чердак для просушки. А тушку закопал в землю.

Длинным и хлопотным оказался этот летний день. Вадик так намаялся, что еле-еле дождался ужина и сразу завалился спать.

НЕ ТАК-ТО ЭТО ПРОСТО

Когда наутро Вадик проснулся, стрелки ходиков показывали восемь часов. Мама, конечно, уже давно ушла на ферму. На столе, прикрытый полотенцем, дожидался завтрак — крутое яйцо, хлеб, кружка парного молока.

Вадик умылся, наспех поел и побежал в баню — поглядеть, что случилось со шкуркой. За ночь она подсохла. Всё в порядке. Теперь — в поле. Сегодня Вадик раздобудет ещё пять шкурок, уж никак не меньше. И так — вперёд, работа ждёт!

Вадик сунулся было на улицу и обнаружил, что возле калитки крутится Аркаша, не иначе, как его, Вадика, поджидает. Только не больно-то нужен нынче этот Аркаша! У Вадика серьёзное дело, не с малышом же его делать! И он снова шмыгнул на огородную тропку. С собой взял то же ведёрко, с которым вчера ходил удить рыбу, и увесистую палку. Такой любого суслика пришибёшь с одного удара.

Вот и то место, где вчера они повстречались с Максимом Петровичем. Вадик спустился к речке, зачерпнул полное ведро воды и, пыхтя, потащил его наверх. Чуть передохнул и двинулся дальше, к ржаному полю. Там, на суходоле, он ещё вчера заметил несколько сусличьих норок, и даже видел, как один суслик столбиком торчал над своим жильём и свистел, как паровоз. Вадик хотел было сшибить его удилицем, да куда там! Пока-то он разворачивался да размахивался — хитрый грызун исчез в норке.

А ведёрко у Вадика было какое-то обманное: на вид совсем небольшое, но страсть какое тяжёлое. И всего-то пять литров в него входило, но чем дальше, тем тяжелее делались эти пять литров. Вадик уж и руки без конца менял, и останавливался отдохнуть, а ведёрко всё больше и больше тянуло к земле.

Но вот наконец и первая норка. И отметка, которую Вадик, как заправский охотник, ещё вчера тут сделал: сюда-то и спрятался от него суслик. Вадик с облегчением вздохнул, на радостях выплеснул в норку всю воду и схватил палку, ожидая появления «врага полей». Но тот почему-то не выходил. Может,

его там и не было? Или воды мало? Придётся снова идти на речку. Громыхая ведёрком, Вадик побежал к Шурлану. А хитрющий суслик только того и дожидался: услышал он, что охотник ушёл, выскочил из норки — и был таков. Вадик и не видел, как он проскочил, и зря опрокинул в норку ещё одно ведро.

— Ай, шайтан! Не было там никакого суслика! — с досадой сказал Вадик, вытирая рукавом рубашки мокрое лицо.

И вдруг шагах в семи от него мелькнула на земле какая-то серая тень. Вадик кинулся туда и обнаружил ещё одну норку.

— Ага, попался! Ты-то уж от меня не уйдёшь! — прошептал он.

Вадик метнулся было к реке, но тут же повернул назад: метрах в ста отсюда зелёной стеной стояла рожь. Не вздумал бы и этот суслик уйти в поле кормиться. Надо бы посадить его под домашний арест. Но как?

— А палка на что? Ею ведь можно заткнуть лаз! — сообразил Вадик.

Так он и сделал. Но когда залил водой норку, суслик не пожелал вылезать.

— Вот вредина! — выругал его Вадик.— Всё-то тебе мало!

Он снова заткнул лаз в норку толстым концом палки и поплёлся к реке. Азарт его поостыл. Оказывается, добывать сусликов куда труднее, чем ловить рыбу. На рыбалку можно ходить и в одиночку, скучновато, правда. А вот для охоты на сусликов обязательно нужен товарищ. Только где его возьмёшь? Кому можно довериться! Конечно, не Микулю с Илькой: они сразу растрезвонят по деревне. Что бы ни затевалось, от них только и слышишь: «Надо ребят собрать. Всем отрядом!» Подумаешь, пионеры-отличники! С ними свяжешься, не то что на платок — на сто грамм конфет не заработаешь. Аркаша тоже компаньон ненадёжный, больно уж он возле Ильки и Микуля крутится. Может, Веруньку позвать? Она, хоть и девчонка, зато крепкая. И конфеты любит. Надо бы с ней поговорить. И не чужая она, а двоюродная сестра...

После четвёртого ведра суслик не выдержал: выскочил из норки и, ничего не видя вокруг, принялся чихать и отряхивать-

ся. Вадик уложил его на месте и сам без сил повалился на землю...

Разбудил его ровный, протяжный свист, перекатывавшийся из конца в конец по суходолу. Вадик поднял голову. Тут и там на бурой земле торчали маленькие столбики. Суслики! Они, видно, сладко выспались в своих норках и теперь вылезли на полуденную переключку. Свистели они и впрямь как разбойники и словно бы издевались над Вадиком: «Эх ты, горе-охотник!»

Вадик вскочил — и вмиг суслики смолкли, попрятались в норки. У ног его остался только один — тот самый, которого он добыл с таким трудом... Тоже — добыча! Один-разъединственный суслик. Всё равно что ни одного. Не возвращаться же домой с пустыми руками, когда тут тьма-тьмушая этого зверья!

Вадик бросился к речке за водой, залил в норку одно ведро, другое, третье... На этот раз получилось ещё обиднее: суслик ушёл прямо из-под носа. Вадик, видно с усталости, промахнулся, удар пришёлся по земле, суслик яростно запищал и, оскалив зубы, прыгнул навстречу охотнику. Тот в испуге попятился, споткнулся и упал. И суслик, конечно, убежал. Нет, уж если с самого начала не повезёт, лучше не тратить времени и возвращаться домой. Всё равно прока не будет. Да и есть что-то захотелось...

Пробираясь огородом к старой баньке, Вадик твёрдо решил, что сегодня же подыщет себе товарища для охоты. Больно трудно в одиночку справляться с этими разбойниками!

НА ОХОТНИЧЬЕЙ ТРОПЕ

— Аркаша, иди сюда! Дело есть.

Аркаша уже полдня томился от скуки на крылечке своего дома. Увидев Вадика, он страшно обрадовался и вмиг оказался на улице.

— Куда ходил? На рыбалку? А удочка где?

Аркашу удивило, что вместо удочки в руке у Вадика была палка для игры в клай¹.

Вадик, не отвечая приятелю, сам задал вопрос:

— Ты почему дома? На речке был?

— Не-е. Мне одному не велят, а Микуль с Илькой в пионерлагерь уехали. Им в Артек путёвку дали.

— Значит, ты теперь сиротка. Плохая твоя жизнь. Ведь ты за ними как пришитый ходил.

— Я и за тобой могу... А на рыбалку брать меня будешь?

— Может, и буду, только не на рыбалку.

— А куда? Что это у тебя в ведёрке?

— Не тычь носа в чужое просо! — Вадик спрятал ведёрко за спину.

— Тогда зачем звал? — обиделся Аркаша. — А говорил — дело есть!

— Дело есть, и серьёзное. Только... — Вадик в упор уставился в синие Аркашины глаза и медленно, с расстановкой спросил: — Будешь мне взаправдашним другом?

— Как это — взаправдашним? — не понял Аркаша.

— Поклянись, что никогда и никому не выдашь мою тайну.

— Какую тайну?

— Ишь ловкий какой! Ещё не поклялся, а уже выведать хочешь!

— А может, ты что плохое задумал...

— Да хорошее, хорошее!

— Тогда зачем клясться заставляешь? С Микулем мы и без клятвы дружили и с Илькой тоже, — не сдавался Аркаша.

— Ну и дружи.

— Да, они в Артек уехали... А то бы...

— А то бы я с тобой и не связывался, — схитрил Вадик. — Им бы всё и рассказал.

— И они бы клятву дали?

— А то нет! Тут дело денежное. Будешь мне помогать — получишь свою долю.

¹ К л а й — деревянный шар.

— Воровать задумал! — ужаснулся Аркаша.

— Дурак ты! Разве пионеры воруют? Не бойся, это дело чистое. От него и нам, и колхозу польза.

— Дай честное пионерское...

— Честное пионерское!

Аркаша сдался. По требованию Вадика он проглотил щепотку земли и дал смертную клятву сохранить тайну если не до гроба, то хоть до приезда Ильки с Микулем. Вадик был доволен: секретность ему нужна была только на время, пока он не заработает на подарок маме, а там — пожалуйста, пользуйтесь, кто хочет!

После обеда Вадик со всяческими предосторожностями повёл Аркашу к баньке, причём предупредил его, что ходить сюда следует тайком, чтобы ни одна живая душа их тут не видела. Почему? Так надо, иначе секрет их сразу откроется.

На чердаке баньки Вадик показал Аркаше свои трофеи.

— Понимаешь, это ведь настоящая охота! — гордо объяснил он. — Вроде как за волками и медведями.

— Прямо — медведи! — засмеялся Аркаша, глядя на маленькую, вроде крысиной, шкурку, распяленную на палочке. — И из-за этого-то добра ты взял с меня смертную клятву?

— А знаешь ты, сколько такой суслик зерна за лето потравит? Вагон!

— Ну да-а! — удивился Аркаша. — Тогда другое дело! Мы их всей школой бить выйдем!

— Да погоди ты со своей школой! Пока рожь зелёная, суслики её не трогают.

Вадик заранее придумал эту отговорку на случай, если и Аркаша захочет подключить к «секретному делу» побольше народа. Теперь он приступил к самому главному.

— За каждую шкурку заготовитель платит по шестьдесят копеек. Мы с тобой первые начнём бить сусликов. Будем вроде разведчиков. Разведка боем — слышал про такую? Насобираем побольше шкурок, а когда Илька с Микулем вернутся из Артека, они про нас в «Пионерскую правду» напишут. Они ведь юнкоры. Теперь понял?

— Понял! Ну и здорово! Ты молодец, всегда что-нибудь интересное придумаешь!

Теперь уже Аркаша не на шутку увлёкся идеей Вадика и с азартом помогал товарищу сдирать шкурку с единственного добытого суслика. А наутро они вдвоём отправились на охоту.

Прошла неделя. За это время у друзей накопилось одиннадцать шкурок. По мнению Вадика, Аркаша оказался плохим помощником. Правда, воду они таскали вместе, а это всё-таки самая тяжёлая часть работы. Беда была в том, что суслики — твари злобные, Аркаша их боялся и ни за что не хотел вступить с ними в единоборство. Поэтому главным охотником по-прежнему оставался Вадик. Но помощник есть помощник, он имеет полное право на вознаграждение за свой честный труд. Главный охотник понимал это и всё больше хмурился. Он рассчитал, что если и дальше дело будет идти таким черепашьям шагом, то к приезду Максима Петровича у них наберётся штук тридцать шкурок, никак не больше. А из-за такой малости не

стоило и огород городить. Эх, если бы раздобыть толкового помощника! Отчим — тот знал, с кем дело делать. Когда он отправлялся продавать картошку, то всегда брал с собой Африкана. Этот Африкан здоров, как Улып¹. Бывало, подхватит сразу два пятипудовых мешка картофеля и несёт их под мышками, будто пуховые подушки. Не зря его теперь на кузне молотобойцем поставили. Да, такого помощника Вадику не найти. Нет таких среди ребят. Может, хоть Веруньку уговорить?

Вадик деловито шёл по деревне. Вот он остановился в начале переулка, возле нового дома с большими, завешенными тюлем окошками. Как бы ему понезаметнее вызвать сестрёнку? Эх, была бы у него волшебная сила, сказал: «По шучьему велению, по моему хотению, выйди, Верунька, на улицу», — и сразу...

— Вадик! Ты что это тут стоишь? — слышался позади него знакомый голос.

От неожиданности Вадик даже растерялся.

— Я?.. Тебя жду!.. — пробормотал он.

Верунька возвращалась от колодца. Вадик не заметил, как осела и согнулась под тяжестью вёдер на коромысле её невысокая коренастая фигурка. Он видел только одно: Верунька несёт два ведра одновременно. Сразу две норки залить можно!

Вадик подошёл к двоюродной сестре:

— Верунька, у меня к тебе разговор, — важно сказал он.

— Что такое?

Девочка остановилась, опустила на землю вёдра, поправила выбившуюся из косы прядь светлых волос.

— Хочешь деньги заработать?

— Какие деньги? — удивилась Верунька.

— Обыкновенные, как у всех людей. Ну говори, хочешь?

Тогда завтра с утра айда со мной!

— Куда?

¹ Улып — богатырь, герой чувашских сказок.

— На старое кладбище. Только никому ни слова: это секрет.

— Секрет?! — Серые глаза Верульки засветились любопытством. — Клад, что ли, ищешь?

— Да нет! — досадливо отмахнулся Вадик. — Не клад во все. Серьёзное дело. Между прочим, стоящее. Сусликов там много. Мы их бить будем, а шкурки продавать. За каждую шкурку получим по шестьдесят копеек. Мне сам Максим Петрович говорил!

— Кто такой Максим Петрович?

— Заготовитель. Тот, что шкурки покупает. Только ты молчи пока, чтоб другие не прицепились, а то всех сусликов перебьют, нам ничего не останется.

— Ну и секрет — сусликов бить! — засмеялась Верулька. — Я думала, вправду что стоящее!

-- Ты скажи — пойдёшь со мной?

— Боюсь я их...

— А чего бояться? Твоё дело — воду с речки таскать. Ты вон какая сильная, сразу по два ведра носишь. А деньги будем делить поровну. На них что хочешь купить можно — и конфеты, и пряники... Ну как, поладили?

Верулька покачала головой.

— Не хочу я таскать тебе воду! Мне и так эти вёдра все руки оттянули, коромысло плечи намозолило. Думаешь, легко каждый день полную кадку наливать? А вечером поливка — огород-то сохнет... И дома хлопот полон рот. Совсем я без мамки измаялась...

— А где твоя мама?

— В больнице она...

— Заболела? А я не знал...

— И когда-то ещё выздоровеет... — со вздохом проговорила Верулька, снова поднимая на плечо коромысло.

— Ну ладно, тогда, может, после... Когда мама поправится... — сказал Вадик и поплёлся к своему дому.

До чего неделовые эти девчонки! Разве с ними сговоришься?

ЕСЛИ ТЫ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК...

Шли дни. Вадик и Аркаша по-прежнему каждое утро отправлялись на охоту, пока однажды вдруг не поссорились.

Случилось так, что только залили они в норку первое ведро, как из лаза выскочили сразу два суслика. Ребята растерялись и, конечно, упустили добычу. И тут Вадик рассвирепел: заорал на Аркашу, назвал его трусом и никудышным помощником. Аркаша обиделся.

— Не буду я больше с тобой водиться! — сказал он. — Сам таскай воду!

И ушёл домой.

Вот оно как получилось. Несправедливо. Разве Аркаша один во всём виноват? Ведь он, Вадик, стоял тут же, рядом, и тоже прозевал. А потом со злости свалил всю вину на товарища. Может, попросить у него прощения?

Нет, не станет Вадик унижаться! Как-нибудь обойдётся. «Пусть уходит, — думал он. — Всё равно день уже прошёл. Завтра сам же первый ко мне прибежит. Куда он денется?»

Вадик ни капельки не сомневался, что наутро Аркаша всё позабудет и они снова, как прежде, отправятся на охоту. Но утро наступило, а приятель не показывался. Вадик ждал его, то и дело выходил на крылечко, исподтишка поглядывал на окна соседского дома — и всё напрасно. Аркаша как в воду канул.

«Может, заспался, никак не встанет, лежебока? — недоумевал Вадик. — А скорей всего, на улицу ушёл, играет там с кем-нибудь...»

Он решил поискать Аркашу на улице. И только вышел, как навстречу показалась белая лошадь, запряжённая в телегу, а на телеге — Максим Петрович.

— Беру кожсырьё! Покупаю кожсырьё! — басовито крикивал он.

То тут, то там отворялась калитка, и хозяин или хозяйка тащили к телеге телячьи, овечьи, козьи шкуры.

Вадик опрометью кинулся к баньке, достал мешок со шкур-

ками и затаился во дворе, ожидая, пока Максим Петрович уйдет подальше от их квартала. Он догнал заготовителя лишь тогда, когда тот свернул в проулок.

— Дяденька, а дяденька! Купите у меня шкурки сусликов! — крикнул Вадик, подбегая к телеге.

Максим Петрович остановил лошадь.

— Сусликов, говоришь? А ну, покажи! — проговорил он, слезая с телеги.

Вначале он не признал Вадика. Вероятно потому, что тогда, на рыбалке, тот был в знаменитой дедовской шляпе. Но пока Вадик развязывал свой мешок, заготовитель взгляделся в него повнимательнее и вдруг обрадованно воскликнул:

— Постой, постой... Так мы же с тобой старые знакомые! Тебя Вадиком зовут, да?

— Угу...

— А я, брат, вспоминал тебя. Всё думал — охотятся ли ребята на сусликов? Молодец! Выполнил обещание. Сколько тут у тебя?

Максим Петрович высыпал содержимое мешка на траву, тщательно осмотрел каждую шкурку, пересчитал их.

— Двадцать семь штук. Верно?

— Верно.

— Две шкурки малость ножом попорчены. Небось первыми их снимал, когда ещё не наловчился?

— Первую я один снимал, неудобно было. А остальные с Аркашей.

— Да, с помощником, видать, сподручнее. Аркаша твой, верно, толковый парнишка. Остальные шкурки хорошие. Ну ладно, в порядке поощрения беру все их по шестьдесят копеек. Теперь считай, сколько я тебе должен.

— Шестнадцать рублей, двадцать копеек! — выпалил Вадик. Он уже давно всё высчитал.

— И ещё раз молодец! Точно считаешь! Получай заработанное.

И Максим Петрович торжественно вручил Вадика деньги.

— Спасибо!..

Вадик был счастлив, а счастье, как известно, располагает к беседе. Ему очень хотелось подольше поболтать с симпатичным Максимом Петровичем, расспросить его про войну. Но он боялся: а вдруг заготовитель поинтересуется, кому из ребят известно про сусликов, кто ещё охотится на этих вредных тварей? Что тогда делать? Нет, лучше уж поскорее убраться. И Вадик, подхватив пустой мешок, вихрем помчался к дому.

У себя в избе он прежде всего выложил на стол и пересчитал деньги. Нет, не обманул его Максим Петрович, всё было правильно. Не такой он человек, чтобы обманывать. Даже порезанные шкурки не уценил. Отчим бы и половины договорённого за них не дал. Он всегда надувал тех, кто доверял ему продать картошку. Самого Африкана обдурил, не поглядел, что тот такой сильный. Простофиля этот Африкан! Двинул бы его разок — и всё. А может, отчим его всё-таки боялся? То-то он удрал тишком. Ну и скатертью дорога! Без него и Вадику, и маме лучше. Мама тоже так говорит. Да, но что же теперь делать с деньгами? Куда их спрятать? На платок пока не хватает... Стоп! Ведь есть ещё Аркаша. Половину-то надо ему отдать... А собственно, почему половину? Ведь два сулика были его, Вадиковы. Значит, рубль двадцать долой..! Это будет, это будет... А может, больше удержать? Не больно-то много толку было от этого Аркаши. Правда, уговаривались всё делить пополам... И зря, что ли, Аркаша землю ел, смертную клятву давал? Вот ведь — как самому, так не хотелось, чтобы Максим Петрович обсчитал, а другого, выходит, можно и обмануть... Нет, не будет такого! Вадик по-честному разделит деньги пополам с Аркашей.

В сенях послышались шаги. Кто это там? Маме вроде бы ещё рано. И шаги не её... Вадик торопливо сгрёб со стола деньги, сунул в карман.

Дверь тихонько отворилась, на пороге горницы показался Аркаша с эмалированной кружкой в руках.

— Вот держи,— сказал он, подавая Вадику кружку.— Бабушка велела передать.

— Что это? — удивился Вадик.

— Мёд. Мы с бабушкой на пасеке были, харчи деду отнесли и табак... Только ты не думай, это мёд не колхозный, наш... У дедушки там свои колоды стоят, ему за хорошую работу дали как премию.

— Спасибо...— тихо проговорил Вадик, пряча от приятеля глаза.

Он поставил кружку с мёдом на стол и тут же радостно зачастил:

— А я ещё утром ждал, ждал тебя... Думал, опять пойдём за сусликами. И хорошо, что не пошли, не то Максима Петровича прозевали бы!

— Приезжал?! — ахнул Аркаша.

— Да. Вот гляди! — Вадик вытащил из кармана деньги.— Шестнадцать рублей и двадцать копеек! Половина твоя. Дели!

— Почему мне половину? — удивился Аркаша.— Двух ты сам без меня добыл.

— Что ж, что сам? Уговор был — всё пополам делить. Бери, бери, мне не жалко! Вчера я так, в шутку, пошумел. А ты уж и рассердился...

— Может, я тоже понарошку! — не желая отставать в великодушии от приятеля, заявил Аркаша.

— Ну ладно! Теперь давай дели!

— Чего ж тут делить, если поровну? Эта пятерка тебе, эта — мне. Трёшки тоже две. Эта, новенькая, пусть тебе, а эта — мне...

— Погоди, тут ещё твой гривенник.

— А тебе?

— Мой — вот,— показал Вадик другую монету.

— Поделили! Поделили! Поделили! — запел Аркаша.

— Молодец! Точно считаешь! — солидно, как сам Максим Петрович, похвалил приятеля Вадик.

— Нашёл, что считать! Это и первоклашка сумел бы, а я уже в третий перешёл.

Так заключили они мир.

С ВАМИ ГОВОРИТ ВОЕНКОМ

Друзья решили тайны своей пока никому не открывать и назавтра снова отправиться на охоту. Но в тот же день произошло событие, которое перевернуло все их планы.

А случилось то, что в правлении колхоза раздался вдруг телефонный звонок. Трубку взял сам председатель.

— Андреев вас слушает,— сказал он, подкручивая свои чапаевские усы.

— Здравствуйте, товарищ Андреев. С вами говорит районный военком Ефимов.

— Здравствуйте, товарищ Ефимов. Слушаю вас.

— В вашей деревне проживал прежде Михаил Иванович Куранов. С войны он не вернулся, считался без вести пропавшим. Теперь стало известно, что сержант Михаил Куранов погиб как герой при освобождении города Киева и посмертно награждён орденом Отечественной войны первой степени. Нам прислали этот орден для передачи семье на вечное хранение. Скажите, живёт ли ещё в деревне кто-нибудь из Курановых? Родители, жена... Вы меня слышите, товарищ Андреев?

— Слышу, слышу! Родителей Куранова уже нет в живых. Осталась жена.

— Назовите, пожалуйста, её имя, отчество, фамилию, род занятий.

— Елена Сергеевна Куранова, колхозница. На ферме у нас дояркой работает. Отличная, между прочим, доярка.

— Та-ак. А дети есть?

— Один сынишка.

— Ну что ж, добре! Я попрошу вас передать этот наш разговор Елене Сергеевне. Хорошо бы ей завтра же приехать к нам в райвоенкомат. И пожалуйста, вместе с сыном. Он, верно, уже большой парнишка?

— Да, красный галстук носит!

— Так завтра мы их ждём. В транспорте, надеюсь, задержки не будет?

— Не беспокойтесь! И отвезём, и обратно доставим. Будьте здоровы, товарищ военком!

Председатель повесил трубку и поспешил на ферму к Елене Сергеевне Курановой.

В тот день по деревне только и разговоров было, что об этом событии.

— Слыхали? Миши Куранова след отыскался. Прежде, куда только Елена не писала, отовсюду один ответ был: ни в мёртвых, ни в живых его нету — без вести, значит, пропал. А теперь дознались, что геройски погиб наш Миша. Орден его, сказывают, Елене прислали.

— Вот ведь как бывает! Шестой год уж пошёл, как война кончилась, а людей всё ищут... И орден не затерялся!

ПО ОТЦУ И СЫНУ ЧЕСТЬ

Вадик совсем ошалел от свалившихся на него переживаний. Вернувшись из поездки в райвоенкомат, он только и делал, что носился по деревне и всем и каждому рассказывал о том, как сам товарищ военком Ефимов вручал им с мамой боевой орден отца. Многим ребятам хотелось своими глазами поглядеть на орден. Тогда Вадик вёл их к себе домой, показывал награду отца, его фотографию и снова пересказывал всё сначала:

— Военный комиссар говорит: «Твой отец был отважным солдатом и погиб как настоящий герой». Когда наши войска освобождали от врага город Киев, мой папа подбил три немецких танка и уничтожил много-много фашистов...

Аркаша ни на шаг не отставал от Вадика, знал наизусть всю историю поездки в район. Вадик произвёл приятеля в свои адъютанты, видимо, сильно польстил этим Аркаше, и тот мгновенно принялся помогать начальству: после слов Вадика «мама плакала, а я нет» быстро добавил:

— И тогда комиссар сказал: «Ты, Вадик, молодец! Из тебя тоже хороший солдат выйдет!»

Вадик что-то не помнил, чтобы военком говорил такое, но

и не подумал остановить услужливого адъютанта. А тот уже норовил сам повести рассказ:

— «Хорошим солдатом может стать только такой человек, который любит нашу Родину и хорошо учится,— сказал ещё комиссар.— Держись, Вадик, не подкачай, учись на пятёрки». И потом... потом...

Дальше Аркаша не помнил.

— «Потом... потом...»! — передразнил его Вадик.— Главное-то позабыл: «Будь всегда примерным пионером, достойным светлой памяти своего отца».

— Знаю, знаю!—обрадовался Аркаша.— «Твой отец отдал жизнь за Родину и во имя за твоё счастье...»

— Да не «во имя за твоё», а просто «за твоё счастье»,— снова поправил Вадик.

Когда ребята ушли, Аркаша предложил:

— Давай завтра откроем им нашу тайну. Тогда уж все нас признают первыми на деревне.

— Успеем ещё,— возразил Вадик.— Подождём, пока Илья с Микулем вернутся.

— Скорей бы уж приезжали...— вздохнул Аркаша.

Вадик сурово глянул на приятеля:

— Соскучился?

— Да нет... Я так просто... Они ведь не знают, что вам орден дали... Они, юнкоры, может, написали бы в газету,— вывернулся Аркаша.

Вадик сразу смягчился.

— Я тоже хочу, чтобы они поскорей приехали. Интересно послушать, как там в Артеке...

— Вот бы побывать!

— Куда там! Разве нас пошлют?

— А почему нет? — удивился Аркаша.

— Тебе до Артека ещё дорости надо, ты пока не пионер. А я, хоть и дорос, да не заслужил: тройки у меня были.

— У меня не было!

— Во втором классе я тоже отличником был, а ты попробуй в четвёртом!

— Мне папа поможет.

— Во-во, папа! А мне — кто? Мама как с утра уйдёт на ферму, так до самой ночи. Только что днём забежит пообедать. А ей ещё печку истопить надо, обед сготовить, постирать, убраться... Думаешь, легко? Знаешь, зачем я деньги коплю? Только не говори никому. У моей мамы на ноябрьские праздники день рождения будет. Я придумал подарок ей сделать: платок куплю.

— Вот это да! — восхитился Аркаша. — И я своей маме платок подарю.

— У твоей и так всего полно. У вас отец тракторист, да и сама твоя мама хорошо получает. Она что хочет, то и купит.

— То — она, а то — я, — возразил Аркаша. — Я тоже хочу платок!

— Да покупай, кто тебе не велит? Только сперва денег набрать надо.

— Завтра же айда за сусликами! И так вон сколько дней пропустили...

— Ладно, собирайся, только пораньше. И обедать не придём: прихватим с собой хлебушка, соли, огурцов и целый день охотиться будем.

В тот вечер Вадик не стал дожидаться мамы: поужинал, чем пришлось, и поскорее улёгся спать.

А ночью ему приснилось, что вокруг пушки грохочут. Это и разбудило Вадика. В горнице горел свет, мама у стола гладила.

— Мам, ты чего не спишь?

— Сейчас лягу. А ты почему проснулся? Гроза разбудила?

— Какая ещё гроза? Я во сне папу видел. Первый раз в жизни! Точь-в-точь такого, как на большой карточке. Мы с ним фашистский танк подорвали. Ох, и грохнуло!

За тёмными окнами полыхнула молния, долго, раскатисто ворчал гром. По железной крыше, словно автоматные очереди, забили частые, веские капли.

— Ух ты, прямо как на войне!

Вадик даже съёжился, так ясно представилось ему, как всё это было на войне. К постели подошла мама, обняла сына за плечи, поплотнее подоткнула одеяло.

— Спи, мой солдат, завтра вставать рано.

Вадик снова поднял голову.

— Зачем рано?

— Утром узнаешь, а то спать не будешь.

— Нет, мам, сейчас, сейчас говори, а то я хуже не засну! Опять куда-нибудь ехать надо? Я видел, ты мой костюм гладила.

— Ладно уж, скажу,— устало улыбнулась мать.— Завтра ты в пионерский лагерь поедешь: колхоз нам бесплатную путёвку выделил.

— В Артек... — ахнул Вадик.— Ой, мама!

От восторга он кинулся было на шею маме, но тут же застеснялся телячьих нежностей и снова юркнул под одеяло.

— Нет, не в Артек. В Республиканский лагерь.

— В Республиканский...— разочарованно протянул Вадик.— А это далеко?

— В лесу, за Волгой. От нас километров сто, чуть побольше.

— А как же я найду-то его?

— Ты не один будешь. Завтра в райкоме ребята из нашего района собираются, оттуда все вместе и поедете.

— Мам, а я не хочу в лагерь...

— Что ещё такое? Почему не хочешь?

— Тебе без меня скучно будет. И потом, мы с Аркашей...— тут Вадик вдруг запнулся.

— Что — вы с Аркашей? Баловство какое задумали?

— Да так... Дело у нас есть...

— Ну, дело своё после сделаешь, когда из лагеря вернёшься. А навидаешься всего столько, что на год рассказов хватит! И на Волгу поглядишь, и на пароходе прокатишься, и в Чебоксарах побываешь. Чебоксары — город большой, шумный, вас туда обязательно на экскурсию повезут. В типографию, где книги печатают, в краеведческий музей. Знаешь, как в музее интересно! Чучела звериные как живые стоят — и волк, и медведь, и лось рогатый, и мелочь всякая, и птицы разные — всё, что в лесах да в полях наших водится. И об истории республики вам там расскажут, пушку Пугачёва увидите, домик Чапаева.

Вадик и не заметил, как оторвался от подушки и сел на кровати. Он во все глаза глядел на мать.

— Ты... ты сама всё это видела? Выходит, ты была в Чебоксарах? Когда?

— Ещё в войну. Мы там за Волгой торф для электростанции добывали.

— Что ж ты раньше мне об этом не рассказывала?

— Да всё как-то не приходилось. Нам с тобой, сынок, и поговорить-то некогда. Теперь сам поедешь, всё и увидишь своими глазами.

— Мам, а если я не поеду, председатель на меня очень обидится?

— А как же, конечно обидится! Человек старался, хлопотал, а ты вон что придумал! Завтра сам обещался свезти тебя в район.

— Это за папу... Может, комиссар ему велел. Коли так — надо ехать.

Дождь уже не стучал, а тихо шелестел по крыше. Слушая этот ласковый шелест, Вадик сам не заметил, как уснул.

Елена Сергеевна поднялась ещё до солнышка, умылась холодной водой, чтобы поскорее согнать сон, и побежала на ферму. Хлопот было выше головы: и напоить «своих» коров, и задать им накошенной ещё с вечера вико-овсяной смеси, и подонть, и сдать молоко приёмщице.

Управившись со всеми делами, она поспешила домой. Сегодня на душе у неё было легко, спокойно. Главное — отошла тревога за сына. Как это здорово получилось, что Вадик на весь август уезжает в лагерь! Ведь август опасный месяц — время больших соблазнов. За заборами чужих садов рдеют, наливаются сладким соком яблоки. А родители заняты: кто — в поле, на уборке хлеба, кто — на фермах. Как тут уследить за ребятами? Вот и теперь Вадик с Аркашей какое-то дело задумали. Может, опять насчёт чужих яблок... Раньше у их семьи свой сад был. Но после смерти деда новый муж Елены Сергеевны яблони порубил, пни да ягодные кусты выкорчевал, а на их месте посадил картошку — так, мол, выгоднее и хлопот меньше, а яблок да ягод и у соседей довольно. «Мы, брат, когда мальчишками были, только и делали, что по чужим садам лазили, — учил он Вадика. — Бывало, так наедемся, что дома в рот ничего не берём». А Вадик слушал и мотал на ус. И однажды крепко попался на таком «геройстве»: старый Тябук, человек злой и жадный, поймал его у себя в саду и до волдырей нахлестал крапивой.

«Сама я, сама во всём виновата! — корила себя Елена Сергеевна. — Побоялась горького вдовства, сиротской доли для сына... Сколько ещё времени пройдёт, пока зарастёт в душе мальчика грязный след, оставленный недобрым человеком».

Сын спал, мирно посапывая. Мать потрепала его за рыжие вихры.

— Вставай, сынок! Вставай, милый!

Вадик глянул на белый свет одним глазом и снова зажмурился.

— Мам, я ещё посплю. Ладно?

— Нельзя, Вадик, некогда спать. Председатель уже в правление пошёл.

— Он сразу и повезёт меня? Да, мам?

— Как только лошадь запрягут. У него в районе своих дел много, но сначала он отвезёт тебя в райком.

— Ох, и понесёмся мы! Конь у председателя мировой!

Вадик мигом вскочил с кровати и побежал к умывальнику.

Минут через сорок он уже сидел в председательском тарантасе, наряженный в серый костюм и серую кепочку, и старательно разглаженный мамой галстук язычком алого пламени трепетал на ветру.

— Так ты, мам, не забудь, скажи Аркаше, что я в лагерь уехал, а то он меня искать будет,— попросил напоследок Вадик.

— Передам, сынок, обязательно передам. А ты смотри не балуйся в лагере и вожатых слушайся.

Из правления вышел председатель, тоже празднично одетый, с планкой орденских ленточек у лацкана пиджака, сядом с Вадиком в тарантас, поворочался, устраиваясь поудобнее, и шевельнул вожжами.

— Поехали, сынок! — сказал он.

Гнедой конь легко тронул с места и сразу перешёл на рысь.

Эх, как досадовал Вадик, что ребята ещё спят и не видят, как сидит он в тарантасе рядом с самим Иваном Андреевичем, как мчит их знаменитый председателев рысак!

Иван Андреевич, видно, догадался о мыслях Вадика и, покручивая чапаевский ус, проговорил с усмешкой:

— Не пришлось тебе нынче всласть поспать, герой. А приятели твои ещё всех снов не досмотрели: на улице-то никого не видать.

— Я спать вовсе не хочу,— солидно сказал Вадик.

А про ребят подумал: «Ну и пусть храпят, всё равно весь месяц в деревне жить будут. Тут всё старое, известное. А как вернусь через месяц да стану им рассказывать, что повидал, то-то они уши поразвешают!»

Однако Вадиковой бодрости хватило ненадолго. Тарангас так мягко покачивался на гибких рессорах, солнышко так ласково припекало, что вскоре Вадик сладко зевнул и прислонился головой к плечу председателя.

— Спи, сынок, спи...— тихо сказал Иван Андреевич. Он перехватил вожжи в одну руку, а другой, свободной рукой обнял мальчика за плечи.

НОВЫЕ МЕСТА — НОВЫЕ ЛЮДИ

Вадик думал, что лагерь — это лесные поляны, палатки, приютившиеся под мохнатыми ёлочными лапами, обед у костра, а вышло вовсе не так. Под Республиканский лагерь отдали помещение лесной школы — большое светлое здание, а при нём всякие служебные постройки. Просторные классы превратились в спальные комнаты. В правой стороне от входа поселили мальчиков, в левой — девочек.

Первый день прошёл неинтересно: регистрация, разбивка на отряды. Вадик и его новый товарищ Саша, с которым он познакомился дорогой, попали в третий отряд. Сюда собрали всех пятиклассников и шестиклассников. Только одна девочка, Майя, была из седьмого класса. Вадик заметил её ещё на катере, когда переезжали через Волгу. Ну и девчонка! У себя в деревне Вадик таких не видел. Живая, быстрая, она постоянно собирала вокруг себя народ. Если где-нибудь сбивалась стайка девочек и затевалась игра или песня, обязательно в центре весёлой компании можно было заметить синий тренировочный костюм и красную пилотку Майи.

Вожатой третьего отряда была Нина Павловна, студентка педагогического института. Зимой она проходила практику

в школе, где училась Майя, и теперь, формируя отряд, взяла в него девочку, которая в классе у себя была старостой, отлично училась и славилась как заводила во всех школьных делах. И не тихоня она была, не зубрилка, а самая весёлая и, как считали ребята, отчаянная. С любым мальчишкой могла поспорить: и по деревьям ловко лазила, и бегала быстро, и плавала, и ныряла, как утка-нырок. А пела так, что заслушаешься! Конечно, Нина Павловна обрадовалась такой помощнице. На первом же сборе Майю выбрали председателем совета отряда.

Вадику в этот день угодить было трудно: ничего-то ему не нравилось, а то, что командовать им будет девчонка, привело его в ярость. Вначале он помалкивал, ожидал, как отнесутся к избранию Майи другие мальчики, но те почему-то приняли это спокойно.

— Тоже — выбрали командира! — фыркнул Вадик в самое ухо Саши.— Будто других людей в отряде нет!

— Пусть покомандует,—добродушно сказал Саша, поправляя очки.— Она ведь среди нас старшая, в седьмой перешла.

— Я не за себя. Мне за ребят обидно: вон какие здоровые сидят!

— Ну да, сила есть, ума не надо! — засмеялся Саша.

Пришлось Вадику смириться и встать под команду девчонки.

А та уже строила отряд в шеренгу по росту.

— Отряд, смирно! Справа по порядку номеров рассчитайсь!

— Первый... Второй... Третий...— покатилося по шеренге.

— Тридцать девятая! — звонко крикнула смуглая девочка, предпоследняя в строю.

Крайним на левом фланге стоял мальчик — самый маленький в отряде. Ему полагалось сказать: «Сороковой — последний», но он почему-то молчал, хмуро уставившись глазами в землю.

— Эй, ты, «Сороковой-роковой»! — окликнула его Майя.— Почему молчишь?

— Потому что сороковой — роковой, — сердито ответил мальчик. — Не хочу быть сороковым!

— Это ещё что за суеверие? — строго спросила Майя.

— Никакое не суеверие. Его не чёрт и не бог убил, а медведь задрал.

Ребята засмеялись.

— Кого? — удивилась Майя.

— Охотника, который до того тридцать девять медведей убил. А сороковой роковой оказался: сам охотника придушил. Мне Васька рассказывал.

— Ну и соврал тебе твой Васька! И сороковой медведь не сладил с охотником. А потом этот охотник ещё трёх медведей взял. Про это рассказ есть, я сама читала.

Пока между Майей и маленьким левофланговым шёл спор, ребята расшумелись вовсю. Но вот Майя скомандовала:

— Отставить разговоры!

Шеренга замерла.

— Ребята, кто из вас не суеверный?

— Я-а-а! — разом отозвался весь отряд.

— Молодцы! Теперь давайте решим, как быть с нашим товарищем, которому не хочется стоять в строю сороковым. По-моему, не стоит целый месяц портить ему настроение. Кто хочет поменяться с ним местами?

Мальчик, сосед Вадика по строю, всё время толкался и вообще не стоял на месте. Неплохо было избавиться от него, поэтому Вадик, не растерявшись, крикнул:

— Я с ним поменяюсь!

Послышались и другие голоса:

— Я!

— Я!

Левофланговому, по-видимому, стало стыдно. Он ещё больше насупился и твёрдо заявил:

— Никуда я отсюда не уйду! Это моё место.

— Ну вот и славно! — улыбнулась Майя. И снова скомандовала: — Отряд, смирно! Справа по порядку номеров рассчитайсь!

— Первый... Второй... Третий... Четвёртый...—выкрикивали ребята.

И вот на левом фланге громко прозвучало:

— Сороковой — последний!

Но всё же прозвище «Сороковой-роковой» прилипло к маленькому левофланговому да так и сохранилось за ним до самого конца смены.

Что говорить, Майя была девчонка толковая, только вот любила она давать людям прозвища, а ведь такое не всякому понравится. Из-за этой привычки Вадик на первых порах сильно её невзлюбил, однажды даже резко оборвал при всём честном народе.

В тот день их отряд обзавёлся собственным горном и барабаном. Говорили, что Майя привезла их из своей школы, специально ездила за ними в Чебоксары. Слух этот пустила «Сорока» — Галя, получившая прозвище от той же Майи.

Построив отряд, Майя спросила:

— Ребята, кто из вас умеет горнить?

— Я! — отозвался с правого фланга синеглазый мальчик с волнистым тёмно-русый чубом.

— А ну, попробуй!

Мальчик высоко поднял горн, поднёс его ко рту да как рявкнет сигнал тревоги!

— Ой, тише, тише, хватит! — замахала руками Майя.— Молодец, Тарапунька! Быть тебе отрядным горнистом.

Вадик, не зная, кто такой Тарапунька, решил, что это фамилия горниста, и только хихикнул про себя: «Ну и ну! Нарочно не придумаешь!»

И вдруг Майя обратилась к нему:

— Ты, Рыжик, хочешь быть барабанщиком?

Вадик задохнулся от обиды. Кровь бросилась ему в лицо, даже уши стали малиновыми.

— Во-первых, я не Рыжик, а Вадик. Слыхала такое имя? А потом...— Тут он запнулся, не зная, что же, собственно говоря, «потом».

— Барабанить не умеешь?

— Нет, просто не хочу.

— Ладно, не обижайся. Я ведь не со зла... Вас много, а я одна. Разве всех сразу запомнишь? — оправдывалась Майя.

— Не помнишь — так спрашивай. За такие слова у нас в школе тебя бы проучили! — сердито проворчал Вадик.

Ему было страшно как досадно, что всё так глупо получилось. Ребята, верно, над ним смеются...

— Обещаю, ребята, что больше не буду давать прозвища. Постараюсь запомнить всех по именам, — сказала Майя.

И тут же позабыла о своём обещании. Когда сосед Вадика, тот самый, что без конца толкался и не стоял на месте, лихо отстучал барабанную дробь, она радостно воскликнула:

— Молодец, Штепсель! Становись впереди, рядом с Тарапунькой!.. — и вдруг прикрыла рот рукой. — Ох, простите, ребята, я опять...

— А я не обижаюсь! — весело отозвался барабанщик. — Раз есть Тарапунька, должен быть и Штепсель: они по радио всегда вместе выступают.

— Верно! — послышалось со всех сторон. — Пусть и у нас будут свои Тарапунька и Штепсель!

Вот как оно получилось. Для ребят дело кончилось смехом, а Вадик вдруг затосковал. Ну и невезучий же он человек! То его «чучелом огородным» окрестят, то «Рыжиком»... Ну почему, почему он рыжий?! Мама говорит — отец был таким. Тогда пускай. Отец был рыжий — зато герой! И погиб он не только за своего Вадика, но и за эту вот Майку-Зазнайку, и за длинного Тарапуньку, и за Штепселя. А кто они такие — всамделишные Штепсель и Тарапунька? Верно, артисты, недаром по радио выступают. Только навряд ли у настоящего Штепселя такие волосы — наш-то кудлатый, как баран. И с чего эта Зазнайка прозвала его Штепселем? Вот взять бы да и обозвать её при всех Зазнайкой, а барабанщика — Бараном. Нет, нельзя. Сам же говорил, что у нас в школе за это крепко учат. Против своей школы идти — не дело, за неё горой стоять надо. Только Майке он этой обиды всё равно не спустит. Уж он придумает, как ей отомстить!

А тем временем отряд уже перестроился в две шеренги, горнист просигналил поход, Майя скомандовала: «Шагом марш!» — и барабанщик ударил в барабан.

— В ногу шагай! — услышал Вадик шёпот соседа.

Оглянулся, а рядом Саша. И как он тут очутился? Ведь в шеренге он стоял где-то дальше, а теперь идёт возле Вадика и жарко шепчет ему в самое ухо:

— Ты брось, не расстраивайся, Вадька! Вот я на неё в стенгазету эпиграмму напишу. Вчера она меня очкариком обозвала, а разве я виноват, что близорукий? погоди, я её так продёрну!

— Думаешь, пропустят? — усомнился Вадик. Он не знал значения слова «эпиграмма», но догадывался, что эта какая-то вещь, весьма неприятная для Майи, а следовательно, приятная для него, Вадика.

— Ещё как пропустят-то! — уверенно сказал Саша.— Председатель совета отряда должен выбирать выражения. Она не смеет оскорблять пионеров!

— Смотри, как бы она не взъелась на тебя. Она девчонка сильная и побить может.

— Пусть попробует! Да она и не узнает, кто написал: я подпишусь псевдонимом и опущу эпиграмму в ящик для заметок.

Ещё одно непонятное слово—какой-то «псевдоним»... И почему это Саша знает такие слова, а Вадик — нет? Ведь они ровесники, оба в пятый класс перешли. Или в Чебоксарах лучше учат? А может, и в Вадиковом классе учительница объясняла эти слова, да он позабыл?

— Я скажу тебе, какой у меня псевдоним,— продолжал Саша.— Ведь ты мой друг. Только, чур-чура, это секрет.

— Не бойся, я не болтун! — заверил его Вадик.— У меня у самого секрет есть, я тоже его тебе открою. Только сначала говори ты.

— Мой псевдоним — Александр Волгин,— шепнул тот тихо.— В школе, когда для стенгазеты стихи пишу, я всегда так подписываюсь.

— Так ты и стихи пишешь! — ахнул Вадик.— Вот здорово! Где же ты научился?

— Нигде. У меня папа — поэт. У него много стихов напечатано. А теперь он целый роман сочиняет, тоже в стихах.

— Вот как! Тогда понятно, откуда ты такие умные слова знаешь.

Тут друзья заметили, что Майя строго на них поглядывает, и примолкли. А ну её! С такой лучше не связываться.

— Левой! Левой! Раз-два, раз-два! — время от времени командовала Майя. А сама думала о своём — у неё ведь тоже были секреты.

Думала она о том, что выполнила просьбу Нины Павловны — подобрала хорошего горниста и барабанщика не только для своего отряда, но и для всей дружины.

А те, что перешёптываются, на неё в обиде. Нехорошо, правда, получилось с этим Рыжиком, то есть нет, с Вадиком! Надо и в самом деле отвыкать от дурацкой привычки давать всем прозвища. Ладно, как-нибудь помиримся. А пока песню бы хорошую спеть, чтобы шагалось веселее.

— Раз-два, левой! Раз-два, левой! — снова командовала Майя и вдруг громко крикнула: — А ну, запевай! — и сама же первая завела:

А ну-ка песню нам пропой,
Весёлый ветер!

И хор ребячьих голосов дружно откликнулся:

Весёлый ветер!
Весёлый ветер!..

«Завтра на линейке будут вручать отрядные флажки,— думала между тем Майя.— Кому бы поручить наш флажок? Очкар... Саше? Нет, его в редколлегию надо: мальчишка грамотный, с хорошим почерком, да и сам, кажется, пишет: всё с блокнотиком ходит. А что, если Вадику? Он, видно, парень боевой, только больно обидчив. А будет флажок носить — и с ребятами поближе сойдётся, и на меня коситься перестанет».

Так всё и сделалось, как задумала Майя: Тарапунька-Ти-

моша стал горнистом, Штепсель-Максим — барабанщиком, Вадику поручили отрядный флажок, а Сашу выбрали редактором стенной газеты. И жизнь в отряде закипела.

Вадику, привыкшему к деревенской воле, поначалу эта жизнь показалась тяжкой. Вставай в семь часов, по сигналу горна, выходи на физзарядку, стели постель. Потом ещё линейка. Завтрак, обед, ужин — всё по часам. Вечером, в девять, — отбой, хочешь не хочешь, а ложись в постель. Скука! Да ещё днём, после обеда, какой-то тихий час придумали: среди бела дня спать велют. После сытного обеда самое бы время поиграть: в лапту сгонять или в футбол. Но с кем? Все по койкам улеглись. Вздумал как-то раз Вадик удрать на берег, порыбачить. Ведь это же Волга, тут, верно, рыбы видимо-невидимо, и всё крупная, жирная! Зря, что ли, он толстую леску да здоровый крючок из дома прихватил? Только сорвалась Вадикова затея: у выхода его задержал дежурный.

— Ты куда? — спрашивает.

— А тебе-то что? — огрызнулся Вадик.

— Я — дежурный, на то и поставлен, чтобы наблюдать за порядком. Теперь тихий час, тебе отдыхать положено. А ну, живо спать, не то сведу к начальнику лагеря!

К начальнику лагеря Вадику идти почему-то не захотелось. Он поплёлся к себе в спальню и завалился на кровать. И угораздило же его попасть в этот лагерь! Будь он дома, пошли бы они с Аркашей на сусликов охотиться! А здесь только зря время идёт. Интересно, ходит Аркаша без него за сусликами? Да нет, куда ему! Он сусликов боится. И воду таскать один не может. А почему один? Он, уж верно, разболтал их секрет всей деревне. Теперь там на одного суслика — десять охотников. Ещё бы, кому лишняя копейка в тягость? Аркаша, как получил деньги, тоже раззадорился, на платок своей маме копить захотел. Только нужен ли ей этот платок? Вот Вадиковой маме нужен... Ох, как долго время тянется! Илья с Микулем уже, верно, дома... Вот с кем Аркаша ходит на сусликов! Небось как увидел их, так и раскис, и выболтал тайну. Хорошо, если они одни охотиться будут — тогда и на

Вадикову долю что-нибудь останется. Да не такие они ребята. Им, если что делать, обязательно весь отряд собрать надо. Эх...

Вадик шумно вздохнул и повернулся на другой бок. Саша, лежавший на соседней кровати, поднял голову, поглядел на приятеля, спросил:

— Ты что не спишь?

— Да не умею я днём спать! — с досадой отвечал Вадик.

— И я не умею. Но когда тихо, я люблю лежать и думать.

— А о чём ты думаешь?

— Тс-с, тише! Ребят разбудишь!

— О чём думаешь? — уже шёпотом повторил свой вопрос

Вадик.

— О разном... И стихи в голову лезут...

— Ты эту... как её... эпиграмму написал?

— Да нет... Не получается что-то... Я сейчас речь сочиняю.

— Какую речь?

— Против войны.

— Но войны теперь нет!

— А я хочу, чтобы никогда не было.

— Дашь почитать?

— Когда напишу. Пока только в голове складывается.

— А как ты сочиняешь?

— Не знаю... Ну, думаю.. Слова подбираю... Рифмы... Вот послушай:

Раз, два, три, четыре!
Мы всегда желаем мира!
Чтобы не было войны,
С ней бороться все должны!

— Ох, здорово! Знаешь, я тоже совсем против войны! — горячо зашептал Вадик. — Если бы не война, мой папа живой бы был, с нами жил. А он героически погиб... Хочешь, расскажу, как военком нам с мамой его орден вручал?

— Расскажи. Только я к тебе перейду. Ладно?

Друзья улеглись рядом на Вадиковой кровати и проговорили до самого конца тихого часа.

ДЛЯ ЧЕГО СУЩЕСТВУЕТ ПОЧТА

А потом оказалось, что скучать в лагере некогда. Дни бежали один за другим, и каждый был полон делами и событиями. То поход или экскурсия, то спортивное состязание, то подготовка к военной игре.

Стены светлого широкого коридора украсились отрядными газетами, яркими, весёлыми.

Однажды появилась там и стенгазета третьего отряда «Костёр». Возле неё столпилась группа ребят, среди них и Саша с Вадиком. Барабанщик Максимка чётко, словно дробь выбивая, читал стихотворение «Мы — за мир!», подписанное Александром Волгиным.

— Здорово сочинили! — одобрила круглолицая девочка со смешными, торчащими вверх косичками.— Его можно и в строю хором выкрикивать. Верно, Макс?

— Конечно, можно,— с готовностью откликнулся Максимка: очень уж ему понравилось, что его так красиво назвали — Макс.

— А кто он, этот Александр Волгин? У нас в отряде вроде бы такого нет.

— Ишь чего захотела — своего поэта! Списали, верно, откуда-нибудь: из газеты или из книги.

— Ну и не ври! — рассердился вдруг Вадик.— Он сам написал!

— Кто это «он»? — тут же прицепился к нему Максимка.— Уж не ты ли?

— Не я, но я...

Тут Саша легонько толкнул приятеля в бок, и тот мгновенно умолк.

— Максим прав, мы это из журнала списали,— сказал Саша и тут же потащил Вадика прочь от стенгазеты: — Пойдём, пойдём скорей!

На улицу хода не было, там сегодня без конца сыпал унылый дождик, спальни были полны народа. В поисках уедине-

ния друзья направились в дальний конец коридора и уселись там на широкий подоконник.

— Ну, чего ты испугался? — накинулся Вадик на приятеля.— Думал, что я тебя выдам? Не бойся, я никогда не проболтаюсь!

— Я не испугался,— возразил Саша.— Просто не люблю, когда обо мне говорят.

— А зачем скрываешь, что это ты написал?

— Я же говорю — не люблю.

— А я бы на твоём месте прямо свою фамилию поставил, а никакой не псевдоним!

— Псевдоним,— поправил Саша.

— Майя знает, что это твои стихи? — спросил Вадик, пропуская мимо ушей замечание друга.

— Знает.

— А как же эта... ипиграма?

— Эпиграмма,— снова вежливо напомнил ему Саша.— Я раздумал её писать.

— Почему? Ты же хотел продёрнуть?..

— А теперь не хочу. Она и сама исправилась — перестала давать прозвища.

— Тоже верно. По именам всех зовёт. А ведь это я её тогда одёрнул!

— Значит, молодец Майя, учла критику. Зачем же стрелять, когда заяц убежал?

— Какой заяц? — не понял Вадик.

— Поговорка такая, её мой папа любит. Поговорки — они умные. Я их теперь записываю. Целую тетрадку набрал.

— Я тоже поговорки знаю. Хочешь, скажу?

— Давай.

— «Своя рубашка ближе к телу».

— А ещё?

— «Не обманешь — не продашь».

— Нет, мне такие не годятся,— сказал Саша.— Они старые и хитрые. От кого ты их слышал? От деда?

— От отчима. Дедушка другую любил.

— Какую?

— «Сей добро, посыпай добром, жни добро, одеяй добром».

— Вот эта хороша! Ты мне потом скажи её, я обязательно запишу.

— А в следующем «Костре» что будет?

— Ещё не знаю.

— Напиши про меня, как я больше ста сусликов набил. Они ведь вредные, я говорил тебе...

— И ещё про то, как ты фашистский танк подорвал. Верно? — с тихой усмешкой добавил Саша.

— Про танк — это во сне было. Ты не путай!

Саша уже в открытую засмеялся. Обнял Вадика за плечи, заглянул в лицо.

— И что у тебя за привычка — выставляться? Нехорошо это. Я тебе как друг говорю, ты не обижайся.

— А я и не обижаюсь,— отвечал Вадик, но сам всё-таки падался.— Только не люблю, когда надо мной смеются.

— Чудак! Я ведь не над тобой смеялся, а над тем, как ты смешно сказал. Ты вот всё хмуришься, и от этого тебе скучно. А ты смейся. Папа говорит: от смеха люди здоровей бывают.

— Ты правда не надо мной смеялся? — спросил Вадик и застенчиво улыбнулся.

Саша внимательно, серьёзно поглядел ему в глаза.

— Ты мне не веришь?

— Да нет, верю! — Вадик вдруг легко так вздохнул.— Я с тобой всегда дружить буду, пока домой не поедем.

— А потом мы писать друг другу станем,— добавил Саша.

— Как это — писать?

— Письма посылать, по почте.

— А я не знаю, куда тебе писать.

— Я тебе свой адрес дам, а ты мне — свой.

— Ладно. Только ты первый мне напиши.

— Напишу. И ещё вот как сделаем: ты посылай мне письма без марок, я сам их выкупать буду.

— А ты мне тоже без марок?

— Я — с марками.

— А я почему без марок должен? У меня свои деньги есть.

— А ты их не трать. Ты ведь копишь маме на подарок,— напомнил Саша.

— Мало ли что! На подарок я ещё заработаю. Только скорей бы домой! А то ребята без меня всех сусликов перебыют.

Саша снова обнял приятеля.

— Не горюй! Перебыют сусликов, что-нибудь другое под-вернётся.

Послышался горн, сзывавший ребят на обед.

В столовой их кормили в две смены. На этот раз третий отряд оказался в первой смене. Друзья вымыли руки и усе-лись рядом за столом. Вот ведь что значит товарищ: Вадик благодаря Саше и руки перед едой мыть приучился. Вначале всё фыркал, а потом привык. У деда ещё поговорка была: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Интересно, знает ли её Саша?

Дежурил второй отряд. На чисто вымытых столах уже были приготовлены хлебницы с горками хлеба, дымились па-ром миски со щами, лежали приборы, стояли стаканы с ком-потом.

Двое ребят из второго отряда, с красными повязками на рукавах, дежурили у дверей: наблюдали, чтобы там не было толчеи, заодно проверяли, чистые ли руки. Остальные помо-гали на кухне и в зале.

Дежурные по залу только-только убрали пустые миски из-под шей и начали разносить второе, как в столовую вошёл старший пионервожатый.

— Внимание, ребята! Прошу потише! Хочу сообщить вам хорошую новость.

Гул в столовой сразу утих. На вожатого уставились любо-пытные ребячьи глаза.

— По радио передали, что завтра ожидается хорошая по-года. Но в Кувшинку пока ещё идти нельзя: слишком сыро в лесу...

Со всех сторон посыпались протестующие возгласы:

— Ну и пусть сыро!

— Не промокнем!

— А промокнем, так не растаем!

Вожатый поднял руку, требуя тишины.

— Завтра мы едем на экскурсию в Чебоксары.

— Не хотим в Чебоксары! — крикнул чебоксарец Максим. —
Лучше в Кувшинку!

— Даёшь Кувшинку! Мы там ещё не были! — поддержали его и другие ребята.

Им казалось, что все Чебоксары уже хожены-перехожены и глядеть там ровным счётом не на что. Однако ребята, приехавшие из районов, думали иначе.

— В Чебоксары! Едем в Чебоксары! — кричали они.

— Конечно, в Чебоксары, — сказал Вадик. — Там и типографию посмотреть можно и в музей сходить.

— И в картинную галерею, — добавил Саша.

Старший вожатый хитровато поглядывал на расшумевшихся ребят. Потом снова поднял руку.

— Ладно, друзья, не надо спорить, — сказал он. — Те, кто считает, что на экскурсии будет неинтересно, проведут этот день в лагере. Остальные поедут в Чебоксары смотреть диких зверей.

Чебоксарцы в недоумении переглянулись.

— Каких зверей? Почему зверей?

— Потому что в город приехал передвижной зверинец.

— Ур-ра-а! — прокатилось по столовой. — Едем в Чебоксары! Даёшь Чебоксары!

— Ну что ж, тогда и мы поедем! — заявили те, кто раньше требовал похода в Кувшинку.

— По городу строим пойдём! — мечтательно проговорил Максимка. — Я барабанить буду!

— А я горнить! — подоспел и Тимоша.

Вадик хотел было напомнить, что он понесёт флаг, следовательно его место во главе отряда, но посмотрел на Сашу... и смолчал.

В тот день тихий час прошёл совсем не тихо: даже самые

отъявленные сони долго не могли успокоиться. Все азартным шёпотом обсуждали предстоящее путешествие, сообщали друг другу про диких зверей и птиц, о которых читали, высказывали предположения о том, каких зверей увидят. Порой кто-нибудь забывался, и тогда по спальне разносился громкий возглас, но нарушителя тишины тут же одёргивали, и снова слышался только возбуждённый многоголосый шёпот.

Вадик вспомнил про музей, как о нём говорила мама. Надо бы расспросить у Саши, он всё знает.

— Саша, а ты в музее был?

— В каком?

— В крае... краевом?

— В краеведческом? Нет, не был. А ты?

— Был однажды... Только давно...

Вадик соврал — и сам не понял, как это получилось. Но теперь уж надо было держать марку, и он заспешил объяснить:

— Мы вместе с мамой ходили. Мама тогда на торфоразработках была... Знаешь, как там интересно!

— Знаю,— рассеянно отозвался Саша, думавший о своём.

Вадик вытаращил на приятеля глаза, испуганно спросил:

— Знаешь?.. Откуда знаешь?..

— Вместе же на экскурсию ходили.

— Куда?..— совсем запутался Вадик.

— На торфопредприятие.

— А-а!..— Вадик с облегчением вздохнул.— Я про музей сказал, что интересно. Знаешь, сколько там зверей? Медведи, волки, рогатые лоси... И ещё много-много! Они правда не живые, а чучела, но всё равно здорово! И ещё там пушка Пугачёва есть и домик Чапаева...

— А слон есть? — неожиданно спросил Саша.

— Слон?..— Вадик растерялся. Почём он знает, есть в чебоксарском музее слон или нет? Но выручила хорошая память: мамин рассказ от слова до слова запомнился.

— А ты скажи, в чувашских лесах слоны бывают? — ответил Вадик вопросом на вопрос.

— Ещё чего! Они в Африке живут. И в Индии.

— То-то же! — и торжествуяюще заключил:—Тогда и в чувашском музее слона быть не может!

К тому времени шёпот в спальне уже стих, народ угомонился.

— Ладно, давай немного поспим,— предложил Саша и повернулся лицом к стене.

До самого вечера с неба сеялся нудный серый дождик — то немного стихнет, то вновь припустит... Из-за него и соревнования по лёгкой атлетике сорвались. Но вожатые и воспитатели позаботились о том, чтобы занять ребят делом: в пионерской комнате организовали шахматный и шашечный турниры, в спортивном зале — волейбольные соревнования, в коридоре расположилась игротека с настольными играми. В учительской члены редколлегий работали над газетами. А те ребята, кому хотелось почитать или просто поболтать, оставались в спальнях.

Саша, конечно, засел в своей редколлегии, и Вадик ходил как неприкаянный. Он решил было заделаться чемпионом по шашкам, но быстро проиграл Сороковому-роковому и в полном расстройстве ушёл к себе в спальню. Там никого не было. Вот тоска-то! Дома бы теперь Вадик сидел у себя в избе, играл с котом Васькой, ждал маму! Придёт мама, чай вскипятит, еду стоговит, станут ужинать, про всякие дела разговаривать... А может, написать ей письмо? Прямо сейчас, пока ребят нет!

Вадик пристроился на своей кровати возле тумбочки. Ему очень хотелось, чтобы это первое в его жизни письмо вышло аккуратным, красивым и без ошибок.

«Здравствуй, мама! — старательно выводил он.— Как ты живёшь? Я живу хорошо. Мне доверили отрядный флажок. Кормят нас хорошо. Когда нет дождя, мы всё время играем на поляне. Тут кругом лес. И Волга близко. Если жарко, мы купаемся. Ты не бойся, теперь я хорошо плаваю, и вожатая Нина Павловна всегда с нами ходит. А я по тебе очень скучаю. Я подружился с Сашей. Он настоящий друг. Это он мне бумагу дал и конверт с маркой. Завтра мы едем на экскурсию в Чебок-

сары, будем там смотреть на диких зверей. А в музей поедem в другой раз...»

Тут Вадику стало совсем худо: вспомнилось, как он врал Саше насчёт музея. Все мысли сразу перепутались, он уже не знал, о чём дальше писать, и поспешил закончить:

«До свиданья, мама. Твой сын Вадик».

Второпях даже Аркаше привет послать забыл.

Письмо Вадик вложил в конверт, крупными буквами, чтобы понятней было, написал адрес. Завтра в Чебоксарах он опустит письмо в почтовый ящик, а через несколько дней его прочтёт мама и, верно, очень обрадуется!

ВСЯКИЕ РАЗНЫЕ ЗВЕРИ

На другое утро половина дружины — первый, второй и третий отряды — отправилась на экскурсию. День был такой яркий, такой умытый, будто специально заказанный для путешествия. Работяга-катер деловито стучал мотором, переправляя на противоположный берег свой весёлый живой груз. Празднично синела Волга, над ней громоздил этажи своих домов шумный большой город, а за ними в самую небесную глубь уходили голубые маковки древнего собора.

Саша с Вадиком стояли на палубе почти у самой носовой части и долго молчали, зачарованные красотой реки. Им казалось, что не катер движется к Чебоксарам, а сам город медленно наплывает на них и, будто в кино, разворачивает перед ними свои чудеса. Наконец друзья разом вздохнули и оглянулись на донёсшийся откуда-то справа протяжный гудок.

— Смотри, Саша, какой большущий пароход! — воскликнул Вадик.

— Это теплоход, — сказал Саша. — Вот бы прокатиться на нём до Волгограда!

— Туда, верно, билеты дорогие. Хоть бы до Казани доехать!

— В Волгограде интересней, — возразил Саша. — Знаешь,

какие в нём бои были! Там наш чувашский поэт Бараев погиб. Ты читал его сказку «Али-батыр»?

Вадик чуть было не ответил «да», но вовремя вспомнил вчерашнее. А вдруг Саша спросит, какое место больше всего понравилось? Нет уж, лучше не позориться! И Вадик подыскал более достойный ответ:

— Я бы прочёл, да нет у нас такой книжки.

— А у нас есть. Хочешь, я пришлю её тебе почитать?

— А твой папа позволит?

— Конечно! Он всегда даёт читать книги, когда его попросят. Только ты не порви её и не испачкай. Прочитаешь и вышлешь обратно.

— Лучше не надо. А вдруг на почте потеряется...

— Ты не думай, мне не жалко! — поспешил оправдаться Саша. — Я бы и насовсем тебе её отдал, только дарёное не дарят. Эта книжка у папы от самого Бараева, с дарственной надписью. Поэтому она такая ценная.

— Не присылай, я в школьной библиотеке найду! — твёрдо сказал Вадик и, желая переменить тему разговора, закрычал: — Гляди, гляди! Снизу такой же пароход плывёт!

— Красивый!

По мнению Саши, и это был теплоход, но не стоило придирааться. У друга ведь тоже есть самолюбие.

Тем временем катер уже подошёл к причалу.

Ребята сошли на берег, по высоким крутым лестницам вскарабкались наверх, в город, и уже там построились в две шеренги. Зазвенел горн, зарокотал барабан, старший вожатый скомандовал: «Вперёд шагом марш!»

Грянула песня:

Взвейтесь кострами,

Синие ночи!

Мы — пионеры —

Дети рабочих...

Вадик шагал впереди своего отряда и торжественно нёс флажок. Ну и здорово это — идти в строю, чеканя шаг, по ши-

роким, полным народа улицам, видеть улыбающиеся лица встречных людей, чувствовать на себе взгляды прохожих! Жаль, как жаль, что ребята из их школы далеко и не видят сейчас Вадика!

Только по центру города строем пройти не удалось: на улице Карла Маркса было столько машин, такое большое движение, что пришлось перейти на тротуар. Здесь шли уже вольно, без барабана и песен.

Вадик чуть шею себе не свернул, разглядывая дома, читая вывески. Так хотелось всё увидеть, всё запомнить, чтобы потом рассказать дома, в деревне!

Зверинец расположился на пустыре возле завода электроаппаратуры. Пока старший вожатый ходил за билетами, ребята облепили украшавшие забор яркие рекламные щиты, на которых были изображены всевозможные животные и птицы. Если на картинках всё выглядело таким интересным, то что за чудо ожидает ребят, когда они попадут в самый зверинец, за этот глухой забор, из-за которого нет-нет да донесётся глухой звериный рык или странный, непохожий ни на один знакомый звук, гортанный вопль!

Наконец вернулся вожатый.

— Ребята, ещё раз напоминаю вам, чтобы потом не было никаких недоразумений,— серьёзно сказал он,— мы с вами должны строжайше выполнять правила поведения, установленные в зверинце: не кормить и не дразнить зверей, не подходить близко к клеткам хищников. И вообще прошу соблюдать порядок, не разбегаться, держаться всем вместе.

И вот они входят наконец в этот удивительный мир, медленно, вереницей протягиваются через турникет и оказываются в узком, забранном в решётки коридоре. В зверинце шумно, людно, приходится долго ждать, чтобы наконец добраться до места, с которого всё видно. А терпение у ребят неодинаковое — кто покорно бредёт, держась за руку своей пары, оглядки к клетке, а кто тут же забывает наставления пионервожатого.

Вадик намотал полотнище флажка на древко и бросился

в самую гущу народа. Где тычком, где ползком он таки пробрался вперёд, к высокой решётке, за которой бесновался большой полосатый хищник — бенгальский тигр. Зверь был чем-то сильно раздражён: он метался по клетке, бил себя длинным гибким хвостом и то и дело оглашал зверинец гневным рёвом. Мохногривый лев, обитавший по соседству, как видно, разделял его недовольство и время от времени отвечал тигру коротким сердитым рыком. Красавица львица, словно большая кошка, лениво развалилась в углу своей клетки и не обращала на крикунов никакого внимания.

В первый момент Вадику стало жутко. Вот это пасть! Вот это зубы!.. А лапы какие огромные, а когти! Такого встретишь в лесу — и конец... Интересно, крепкие тут клетки?

Какие-то незнакомые мальчишки, стоявшие поблизости, затеяли спор: кто сильнее — лев или тигр?

— Конечно, лев! — авторитетно заявил Вадик. — Он ведь царь зверей.

Ребята, как видно, согласились с таким доводом, во всяком случае спорить никто не стал, и Вадик пошёл дальше, весьма довольный своей находчивостью.

Возле одной из клеток Вадик заметил знакомого: Сороковой-роковой словно замороженный разинув рот и распахнув глаза, таращился на медвежье семейство — отца, мать и довольно великовозрастного сына.

— Что, страшные? — спросил у него Вадик.

— Не, они смирные. Только очень сильные: одной лапой быка зашибут. Мне Васька рассказывал.

— Врёт он много, твой Васька. Вот и про сорокового наврал, будто убил он охотника. Майя же сама читала.

— То другой охотник был. А Васькиного убил, это уж точно.

— А ты вправду суеверный?

— Не, я безбожный, ни в чертей не верю, ни в домовых. Только медведь — он ведь не чёрт, он всякого задерёт. Вот хотел им конфетку дать, да боязно. Скажешь — суеверный?

— Просто трусишь.

— По-твоему, я трус? А вот и нет! Я даже ночью на кладбище ходил и не побоялся. На спор с ребятами.. И в баню ночью один пойду. Зря говорят, что там черти водятся.

— Болтают! Я сам почти всё лето в бане скрывался. У меня там секретное место,— разоткровенничался Вадик.

— А ты не побоишься дать конфетку вон тому мишке? — спросил Сороковой-роковой, показывая пальцем на клетку.

— У меня нет конфет...

— На, возьми мою.

— Не надо,— отстранил его руку Вадик.

— Боишься?

— И вовсе не боюсь. Только нельзя, запрещается. Слышал, что вожатый говорил? «К клеткам близко не подходить».

— А я подойду! И конфетку дам!

Тут Сороковой-роковой ринулся вперёд, бросил медведям свою конфету и мгновенно отскочил от клетки.

— Сороковой — не роковой! — завопил он.— И не трус я! Не трус! Не трус!

Вадик завистливо покосился на него. Вот ведь, такой маленький, а сумел! «И почему я сам отказался бросить? Потом бы всем рассказывал...»

Глянув мельком на гиену и рыжих лисиц, Вадик подошёл к волкам. Те тревожно жались к задней стенке, отворачивались от зрителей. Почему? И тут ему вспомнилось, что говорил однажды дед Магась: волки боятся красного цвета, принимают красные лоскуты за огонь, и охотники при облавах пользуются этим. А сейчас вокруг клетки полно пионеров. Может, их галстуки пугают зверей? Вадик решил проверить свою догадку и, развернув флажок, помахал им перед мордой матёрого волка. Тот мгновенно отпрянул назад и ощерил клыки. Прав дед Магась: боятся волки красного!

Возле обезьян была давка. Ну и выдумщицы они! На них глядеть — со смеху помрёшь! Вот одна из них, видно, та, что постарше, уложила себе на колени маленькую и принялась быстрыми пальцами перебирать её шёрстку — блох искать. Другая, словно циркачка, металась наверху, перекидываясь

со стенки на стенку, всеми четырьмя лапами цепляясь за сетчатую загородку. «Верно, воображает, что по деревьям прыгает», — подумал Вадик. А две макаки пристроились на жёрдочке, точь-в-точь как какие-нибудь тётки на завалинке, и грызли подсолнухи, да так ловко, что шелуха дождём сыпалась. Кто-то из зрителей бросил в клетку два кусочка сахара. Меньшая из макак тотчас спрыгнула вниз и упрятала оба кубика себе за щеку. Ох, как разгневалась её подруга! Она тоже спустилась на пол, подскочила к маленькой жадине и закатила ей звонкую оплеуху. Ну, а малышка тоже не захотела оставаться в долгу, и в клетке завязалась потасовка.

— Это нечестно! Большая маленькую бьёт! — возмущённо заявила стоявшая неподалёку девочка.

— За дело бьёт! — восстановил справедливость Сороковой-роковой. — Нечего жадничать!

Дальше были птицы, и все такие удивительные: большой пучеглазый филин, полярная сова — совсем белая, ястреб, громадный горный орел... Потом пошли болотные жители — чибисы, цапли, а среди них старый знакомый — журавль, весь в длину вытянутый: длинноногий, длинношей, длинноклювый. Сколько раз, бывало, весной и в осеннюю пору, высоко в небе чертили углы стаи этих милых птиц и кричали-курлыкали, вдаль звали!.. А Вадик глядел на них, запрокинув голову, и думал, как бы превратиться ему в сказочного мальчика, сесть на спину журавлиному вожаку, крепче обнять его шею и улететь за тридевять земель... А теперь журавль стоит тут, рядом, в каких-нибудь двух шагах... Интересно, почему это про воду — где-нибудь в родничке или в светлом озере — говорят: «чиста, как журавкин глазок»? Какие такие глаза у журавля? Вадик подошёл к решётке, поглядел в журавлиные глаза — и верно, чистые они были, ясные.

А страуса рядом посадили, наверное, для сравнения. Он какой-то толстый, а хвост короткий, вихрушками завивается. И крылья маленькие — не для полёта. Зато ножищи здоровые — как у лошади. «Быстро, видно, бегают. Говорят, быстрее антилопы», — сказал кто-то рядом с Вадиком. А антилопу и

лев не всегда догонит. Вот бы на этом страусе прокатиться! На нём в состязаниях на агадуе¹ даже конников обогнать можно! Только нет у нас страусов, далеко они живут, в Австралии...

А это что за птица? У Вадика даже дух захватило — до чего хороша! Вначале он подумал, что это Жар-птица, про которую дед сказку рассказывал. Таких в жизни и не бывает вовсе! Перья на хвосте — в метр длиной, не меньше. И на каждом пёрышке глазок всеми цветами горит-переливается. На головке хохолок, будто корона принцессина. «Вот бы такое чудо к нам в деревню, ребятам показать! Её, верно, ни Микуль, ни Илька не видели, даром что в Артеке побывали! А уж Аркаша и вовсе про такую не знает! И все они тоже подумали бы — Жар-птица...» Вадик глянул на табличку, прочёл: «Райская птица». Откуда райская, если рая нет? Учительница Анна Ивановна говорила, что рай выдумали, чтобы бедных обмануть, чтобы терпели они нужду и против богатых не боролись. А тут — райская птица. Давно, верно, её так прозвали, а теперь позабыли новое название придумать. А какое—новое? Но сколько ни думал Вадик, подходящее название всё не находилось. Пусть уж зовётся по-старому: ведь Анна Ивановна говорила, что мы строим рай на земле. Как построим, так и райской птице место найдём.

Попугай тоже ничего показали, красивые: красные, голубые, зелёные, жёлтые, а один совсем белый, как молоко. Глазки у всех чёрные, будто они смородинками глядят. Эх, летали бы они у нас, вместо воробьёв да ворон, вот здорово было бы! Глянешь на дорогу, а там в пыли — красное да жёлтое, голубое да зелёное. Только они, верно, нашей простой пищи не едят, которая птицам положена: червей, личинок, насекомых разных... Им небось всё вкусное подавай: фрукты да ягоды...

— Верно, попка? — спросил Вадик самого красивого попугая — белого, с хохолком.

Тот косо глянул на мальчика и отвернулся.

— Подумаешь, цаца! — засмеялся Вадик.

¹ А г а д у й -- праздник, устраиваемый после весеннего сева.

— Дурак! — сказал вдруг попугай человеческим голосом.

Вадик оторопел. Он слышал, что бывают говорящие попугаи, но никак не ожидал, чтобы при первой же встрече попугай обругал его, Вадика! Правда, тут он сам виноват: зачем задирался?

— Ты не ругайся,— заметил Вадик.— Лучше что-нибудь дельное скажи.

— Дурак! — повторил попугай.— Пошёл вон!

Люди, собравшиеся возле клетки с попугаями, смеялись. Вадик покраснел как помидор, ни на кого не глядя, вылез из толпы и убрался прочь. А ну их, этих нахальных птиц! Чего доброго, такого наговорят, со стыда сгоришь! Нет, пусть уж у нас лучше воробьи чирикают да вороны каркают, с ними поспокойнее.

День, что ли, выдался такой невезучий? Только-только ушёл Вадик от попугаев, как натолкнулся на совсем чудную птицу — гусь не гусь, а что-то вроде того. Птица эта, большая, белая, чуть отливавшая розовым, со здоровенным клювом, важно и независимо разгуливала прямо на свободе, среди посетителей. «Наверное, это такой гусь-великан,— подумал Вадик.— И там, где он водится, лягушки очень большие».

— Гляди: пеликан! — ткнул пальцем в сторону птицы неведомо откуда вывернувшийся Сороковой-роковой.

— Не пеликан, а великан,— поправил его Вадик.

— А я говорю — пеликан! — не согласился тот.

— Нет, великан! Видишь, какой у него клюв здоровый, и лапы, и крылья... Весь он великан.

— А вот и пеликан! Хочешь, поспорим?

— На что? — спросил Вадик.

— На стакан компота.

— Давай!

Ребята протянули друг другу руки, крепко сцепили их — ладонь в ладонь.

— Эй, Саша, разбей! — крикнул Вадик пробежавшему мимо приятелю.

Саша остановился, переложил в левую руку свой блокнот, а правой разбил руки друзей, спросил:

— О чём спор?

— Скажи, как та птица называется? — задал вопрос Вадик, древком флажка указывая на переваливающегося с лапы на лапу пеликана.

Саша поправил очки, огляделся.

— Вон та?

— Она самая. Я говорю — великан, а он...

— А я говорю — пеликан! — подхватил Сороковой-роковой.

— Миша прав, это пеликан, — установил истину Саша.

Оказывается, Сорокового-рокового зовут Мишей, а Вадик и не знал. А на Сашу он обиделся. Тоже, товарищ называется! Не мог ради друга покривить душой! Всего на одну букву — «в» вместо «п» сказать... Да куда! Он ведь принципиальный...

— Ты проиграл! Ты проиграл! — колокольчиком заливался торжествующий победитель.

— Да ладно... Не ори только, пусть между нами...— тихо сказал Вадик.

— А компот сегодня мне отдашь! — не унимался Сороковой-роковой, то есть Миша.

— Так не договаривались. Отдам, только завтра,— ответил Вадик. Он сообразил, что завтра их отряд будет дежурить в кухне, а там уж как-нибудь можно раздобыть лишнюю порцию.

— Удава не видели? Пошли, покажу! — предложил Саша, желая положить конец неприятному для Вадика разговору.

Удав лежал, свернувшись в большие упругие кольца. По мнению Вадика, он напоминал сложенные друг на друга автомобильные покрышки. Саша объяснил, что такой удав может проглотить живого кролика, а потом целый месяц спит, пищу переваривает. Вадик с ним не спорил — раз Саша говорит, то так оно, верно, и есть.

— А теперь живей к ребятам, а то нам влетит,— посоветовал Саша.— Я, правда, отпросился, чтобы немного порисовать для газеты...

— А я не отпрашивался, сам ушёл,— заявил Вадик.— Они там тянутся еле-еле, а потом — скорей к другой клетке бегут. Так не интересно. Я где хотел — там и останавливался.

— А я на медведей загляделся и отстал от наших,— признался Миша.

Как раз в это время у ворот горн загудел сигнал «к сбору».

— Слышите? Уже домой собираются,— заметил Саша.

— Так скоро...— разочарованно протянул Вадик.— А я ещё слона не видел...

— А двугорбого верблюда?

— Тоже нет...

— А зебру?

— И её не видал...

— А я всё видал, хоть и простоял долго возле медведей! — гордо сказал Миша и поглядел на Вадика.

«Думаешь, расскажу, как ты им в клетку конфету су-

нул? — подумал про себя Вадик.— Как же, жди! Хватит с тебя и того, что спор выиграл!»

Но самая большая неприятность ожидала Вадика впереди. Когда ребята построились и Вадик, развернув флажок, встал во главе своего отряда, к нему вдруг подошла Майя и сердито приказала:

— Дай сюда флажок!

Вадик похолодел.

— Почему?..— упавшим голосом спросил он.

— Потому что тебе нельзя его доверять! — заявила Майя.— Ты оставил отряд без флажка и бродил с ним в одиночку по всему зверинцу. Разве настоящий пионер так поступит?

Вадик покраснел до слёз и, не зная, что ответить, пробормотал:

— Я.. я не знал, что нельзя отходить...

— Знал! Старший вожатый всех предупреждал, я тоже говорила. А ты меня, командира отряда, послушался? Нет. Отдай флажок!

— Не отдам! — чуть не плача, закричал Вадик.— Я больше не буду, честное пионерское!

На шум подросла Нина Павловна.

— Как думаете, ребята, можем мы верить Куранову? — спросила она, обращаясь к отряду.— Ведь честным пионерским словом не бросаются.

— Можем! — твёрдо сказал Саша.

— Можем! Поверим ему! — слышались голоса других ребят.— Мы тоже виноваты: и мы поодиночке бегали!..

— Тогда так и решим— пусть флажок по-прежнему остаётся у Куранова,— сказала Нина Павловна.— Только я посоветую и ему, и всем другим одиночкам запомнить этот случай.

Майя, недовольно тряхнув головой, отправилась на своё место, а Вадик облегчённо вздохнул и с благодарностью посмотрел на Нину Павловну.

СОЛЁНЫЙ КОМПОТ

В тот день они будто в сказке побывали. Всю обратную дорогу только и речи было, что о зверях и птицах, о разных далёких странах! А когда вернулись в лагерь к ребятам, которые должны были ехать на экскурсию во вторую очередь, рассказам не было конца. Особенно много народа столпилось около Саши: ведь он не только умел рассказать обо всём, что видел, но и показывал свои зарисовки — слона, двугорбого верблюда, зебру и дикобраза. Вадик с Мишей тоже подошли посмотреть рисунки.

— Слон здорово получился, как живой, а остальные так себе, — заметил Миша.

— Неправда, всё хорошо получилось! — сказал Вадик.

Сам он, правда, не видел этих зверей, а всё-таки обиделся за друга. К Саше он вообще относился ревниво. Ему бы хотелось, чтобы Саша разговаривал только с ним, Вадиком, показывал свои рисунки только ему. А тот, словно назло, делал всё наоборот. Вот и теперь взял да и согласился с Мишей:

— Да, эти и правда плохо вышли. Торопился я, времени мало было. После лагеря ещё раз пойду в зверинец, весь день там пробуду. Ведь зверей не скоро увезут.

Вадик приуныл: друг, как видно, не желал обращать на него внимания. «Вот и в зверинец без меня идти хочет... Нет, чтобы позвать... Я бы часика на два задержался в городе», — подумал он, отходя в сторону.

Вечером, после отбоя, Вадик долго не спал, ворочался. Заговорит с ним Саша или нет?

А Саша лежал, отвернувшись к стене, занятый чем-то своим. Вадик не знал, что в этот момент он сочинял стихи:

Нас возили в Чебоксары,
Мы в зверинце побывали...

Какая может быть рифма к слову «Чебоксары»? «Комиссары»? Не подходит. «Отары»? Тоже не годится. «Ягуары»? Но

ведь ягуара они не видели. А всё-таки он мог быть в зверинце! Ну и пусть будет. Значит так:

Нас возили в Чебоксары,
Мы в зверинце побывали,
Львов, медведей, ягуара
И слона там повидали...

А дальше? Дальше должен быть конец:

И кого там только нет —
Не расскажешь за сто лет!

Сто лет, конечно, многовато, но Саша знал, что это такой приём, называется — гипербола. Может быть, лучше бы сказать: «Помнить будем мы сто лет»? Надо у Вадика спросить.

— Вадик, ты спишь? — тихонько окликнул он друга.

Но Вадик не стал отзываться — не захотел. Теперь и он был занят своими мыслями: обдумывал, как отомстить Майке-Зазнайке. Ведь именно она, Майя, причинила ему сегодня самую большую обиду — набросилась при всех ребятах и чуть не отобрала флажок. Хорошо ещё, что вступилась Нина Павловна и ребята. А раз все за него встали, значит, и вины никакой на нём нет. Все по зверинцу бегали, а ему одному отвечать? Ну, сделала бы замечание, выговор, а то сразу: «Отдай флажок!» Нет, этого он Зазнайке не спустит! Один раз простил за Рыжика, и зря. Надо было тогда же её продёрнуть. Только Саша не захотел писать эпиграмму, струсил, должно быть. Это он с Вадиком храбрый: только и знает, что критикует его да слова поправляет. Ну и ладно, Вадик сам, без Саши, найдёт, чем насолить Майе. Завтра... Завтра додумает... Сейчас спать...

На другой день с утра отряд их дежурил на кухне и в столовой. Вадик чистил картошку, мыл столы и вообще делал всё, что полагалось. А когда начали разносить обед, оказался возле стаканов с компотом. Он придумал, как насолить Майе. Да-да, именно насолить! Он насыплет ей в компот соли. Сказано — сделано. Набрав в горсть соли, Вадик бросил её в ста-

кан с компотом и, чтобы не спутать, оставил этот стакан на окошко, подальше от других. Только не так всё получилось, как хотелось Вадику. Миша, этот вездесущий Сороковой-роковой, подметил, что Вадик всыпал в стакан что-то белое, решил, что это он для себя подсластил компот сахаром, и тайком заменил его.

И вот лагерный обед кончился, за стол уселись дежурные. Съели первое, второе блюдо, принялись за компот. К удивлению Вадика, Майя осушила стакан, не поморщившись. Что это? Неужто он мало соли всыпал? Или Майя уж такая бесчувственная, солёного от сладкого отличить не может?

Неожиданно столовую огласил отчаянный вопль Миши:

— Ой! Солёный компот!.. Солёный компот!..

Так вот оно что, солёный компот оказался у Миши! Экая досада! Когда же он, несчастный, успел подменить его?

— Это он, Куранов! — бушевал между тем Миша. — Он со зла насыпал соли: ведь он проиграл мне свой компот! Я сам видел, только думал, он песок кладёт...

Что оставалось делать Вадику? Только придумать на ходу какую-нибудь полуправду, полуложь...

— Я по ошибке соль насыпал, думал, что сахарный песок. Только я этот стакан в сторону поставил. А вот как он у тебя очутился? Подменил, да?

— Ну и что ж, что подменил? Ты ведь проиграл мне компот.

— А тебе разве своего мало? — спросила Майя.

— Да я нарочно супа не ел! Думал два компота выпить... — жаловался Миша.

— Гляди, маленький, а жадный. Вроде той макаки, — заметил острый на язык Максимка.

— Я не жадный!.. И вовсе не макака... Я за правду стою! Бедный Миша чуть не плакал от обиды.

— Ты, Максим, это брось! — строго сказала Майя. — Мы ведь договорились клички не давать и не обижать друг друга.

Нет, Майя всё-таки человек! Справедливая она. Ну всплыла тогда, с флажком... С кем не бывает? И Вадику стало

стыдно. Зачем он всё это затеял? Вот какая скверная история получилась...

Он взял свой стакан и подошёл к Мише.

— На, бери, я ещё не пил. Я ведь нечаянно... И завтрашний компот тебе отдам...

— Мне твоего не надо! — заявил вконец огорчённый Миша. — Мой вот этот, солёный. А свой сам пей!

— Так ведь я проиграл тебе...

— Ну и что? Отдашь, а потом макакой дразнить будешь?

Тогда Вадик решился на подвиг: сам виноват, сам и расхлёбывай! Он схватил стоявший на столе стакан с солёным компотом и принялся пить.

— Что ты делаешь?! — закричал Саша. — Не пей, тошнить будет!

Но Вадик пил. Пил, пока не прикончил всё. Даже оставшиеся на дне изюминки вытряхнул в рот, даже черносливины разжевал и проглотил. И при этом улыбался как ни в чём не бывало. К счастью, черносливины ещё не успели просолиться и внутри, около косточек, были сладкими. Это немного смягчило солёную горечь во рту.

Тут к нему подскочил Саша и протянул свой стакан.

— На, запей. Легче будет.

Вадик с благодарностью посмотрел на друга, отпил два глотка и вернул стакан обратно. И тут со всех сторон к нему потянулись руки со стаканами. Даже Максимка, которого Вадик недолюбливал за злой язык, предложил:

— На, глотни разок — у меня сладкий!

А Майя стояла возле Вадика, гладила его рыжие вихры и с тревогой спрашивала:

— Тебе ничего? Не плохо?

У Вадикова деда была ещё одна поговорка: «Не рой другому яму — сам в неё попадёшь».

БОЛЕЛЬЩИК ПО БОЛЕЗНИ

А потом Вадик только и делал, что пил воду, кипячёную, сырую — какую придётся. И у него разболелся живот. Это вышло совсем некстати, потому что на следующий день был назначен футбольный матч между сборными командами двух пионерских лагерей — Республиканского и Сосновского. Вадик должен был защищать честь своего лагеря, а вместо этого попал в изолятор, где его уложили в постель и заставили принимать лекарства.

А ведь Вадик здорово играл в футбол! Умел быстро оценить обстановку, хорошо бегал, энергично боролся за мяч. В том, что на чемпионате лагеря по футболу их отряд занял второе место, была немалая заслуга Вадика. На другой день после этой победы во время утренней линейки он был удостоен большой чести: вызван на флаг. А потом попал в состав сборной команды лагеря, которая готовилась к встрече с сосновцами.

И вот всё сорвалось. На футбольное поле вместо Вадика вышел горнист Тимоша, а сам он, хоть и удрал потихоньку из постылого изолятора, вынужден был довольствоваться ролью простого болельщика.

Тимоша на футбольном поле выглядел неплохо: быстро бегал (недаром считался лучшим спринтером в отряде), умел брать мяч головой и угловые подавал неплохо. Но вот смекалки, умения ориентироваться в обстоятельствах ему явно не хватало.

Сосновцы явились на встречу всей дружиной.

Болельщики плотно обступили футбольное поле. Сколько тут было народу, сколько горящих азартом глаз! Вот где можно было блеснуть, показать себя! Эх...

Вадик ревниво следил за игрой своего дублёра и не только не огорчился, а даже радовался его промахам. Пусть ребята пожалеют, что не он, Вадик, вышел сегодня на поле!

— Мазила! — нарочно громко кричал он.

Эти выкрики смущали Тимошу, он терялся и снова делал

ошибки. Наконец стоявший рядом с Вадиком Саша не выдержал и шепнул товарищу:

— Перестань, Вадик! Не надо... Ты ведь не хочешь, чтобы наши проиграли?..

— Пускай не мажет,— сухо ответил Вадик.

— Ты бы, конечно, играл лучше, но... Ты же сам виноват: зачем пил этот дурацкий компот?

В ответ Вадик только вздохнул. Саша, конечно, прав, если желаешь успеха своей команде, мешать нельзя. Но что поделать, если у него, Вадика, такой характер? Не хочет он болеть за Тимошу! Тогда, может, лучше совсем на него не глядеть? Посмотреть, как другие играют. Но своих он уже видел-перевидел. А сосновские?

Вадик оглядел поле взглядом постороннего человека. Как интересно! Только сейчас он заметил, что гости играли в белых майках и чёрных трусах, а их команда — в красных майках и белых трусах. Зелёная поляна, казалось, была усеяна белыми и красными живыми цветами, которые то соединялись в букеты у тех или других ворот, то вновь рассыпались. Вначале большинство жарких схваток разыгрывалось на хозяйском поле. Вадик у это не понравилось, он стал беспокоиться за своих. Неужели не отобьют атаку? Давай, давай! Эх, если бы он сам играл!.. Удар по воротам! Что — забили? Нет, вратарь поймал мяч. Молодец Вовка! Сильный удар — и мяч уже на середине поля. Теперь наши атакуют. Ага, уже у ворот!.. Удар... Гол!

Вопль, свист...

— Ур-ра-а! Наши забили!

— Молодец Тимоша! — закричал Саша.

— Как?.. Разве это он?..— растерянно спросил Вадик.

Он недоумевал. Ему не верилось, что Тимоша, этот мазила Тимоша, мог забить гол. Конечно, хорошо, что перевес на стороне нашей команды, но чтобы положение спас Тимоша... Непонятно! И неприятно. Теперь никто не пожалеет, что Вадик так не вовремя заболел. Что бы там дальше ни было, пусть ничья или даже проигрыш, всё равно на счету Тимоши забитый гол. А может быть, он и ещё забьёт...

Тут Вадик вдруг пригнулся и на четвереньках пополз вон из круга к росшим неподалёку кустам: он заметил, что сквозь толпу болельщиков пробирается Аида Петровна, медицинская сестра, и справедливо решил, что сейчас не стоит попадаться ей на глаза.

Пока Вадик отсиживался в своём убежище, поле то и дело оглашалось криками. Как видно, там разгоралась яростная борьба. Когда же он убедился, что Аида Петровна ушла, и вернулся на своё место, первый тайм окончился.

— Какой счёт?

— Два — ноль, — отвечал Саша.

— В чью пользу?

— В нашу, конечно. Первый мяч, ты ведь видел, Тимоша забил.

— А второй?

— Второй так: Тимоша бил с угла, а Гриша как головой ударит — р-раз! — и мяч в воротах.

— Здорово!

— А тебе плохо стало? Почему уходил? — с сочувствием спросил Саша.

— Ничего, порядок! — весело тряхнул головой Вадик.

И вдруг...

— В чём дело, Куранов? Почему ты здесь?

Аида Петровна! Всё-таки нашла его.

— Сейчас же отправляйся в изолятор и ложись в постель.

— Ну вот, играть запретили, и смотреть нельзя, — проворчал Вадик.

— Конечно, нельзя, раз ты болен. Если не станешь слушаться, будешь бегать, отправим тебя в больницу. Так что лучше иди и ложись. И лекарство примешь.

— Иди, иди, — шепнул Саша. — Я потом приду к тебе, расскажу про второй тайм.

Что оставалось делать? Вадик покорно поплёлся следом за Аидой Петровной.

НАСТОЯЩИЙ РАЗВЕДЧИК

Да, не стоило бы Вадика затевать эту историю, крепко он за неё поплатился: и в постель слёг, и противные лекарства принимать пришлось, и почестей лишился. Без него выиграли ребята матч. Три — два в пользу команды Республиканского лагеря — вот каким оказался счёт. А Вадик даже не видел второго тайма...

Теперь на очереди была большая военная игра. Неужели и она пройдёт без Вадика? Невозможно это! Он сделает всё, чтобы поправиться!

Вадик покорно лежал в постели, выполнял все предписания врача и в день, на который была назначена военная игра, вышел на общую линейку.

Военной игрой руководил физрук Алексей Иванович — участник Великой Отечественной войны и кавалер трех орденов.

Человек он был суровый, скупой на слова, но ребята его уважали.

Дружину Алексей Иванович разделил на две части: первый, третий и пятый отряды стали называться армией «синих», второй, четвёртый и шестой — армией «зелёных». Специальной формы для них, конечно, не было, бойцы различались только по повязкам на рукавах: у «синих» были синие повязки, у «зелёных» — зелёные.

Согласно условиям игры, «зелёные» должны были напасть на «синих». Когда и откуда ждать нападения, «синие» не знали, известно было лишь то, что противник находится где-то на западе. По приказу Майи, назначенной командиром отряда, разведчики Вадик и Саша пошли на поиски «языка».

Вадик отправился на задание, преисполненный самых радужных надежд. Теперь-то уж он себя покажет! Хитрости и ловкости у него хоть отбавляй. Саша, конечно, помощник не из

лучших: близорукий он, в очках, где ему разглядеть противника! Но зато настоящий товарищ, а в разведке это главное. Даже если «язык» окажется сильнее Вадика, вдвоем с Сашей они его как-нибудь скрутят.

Разведчики миновали небольшую рожицу. Впереди раскинулся просторный луг, на нём тут и там зеленели заросли каких-то кустов. По открытому месту ползли по-пластунски, держа наготове автоматы. Когда добрались до кустов, присели передохнуть.

— Саша, а твой папа был на войне? — шёпотом спросил Вадик.

— Был.

— А кем?

— Военным корреспондентом.

— Это как?.. Что он делал?

— Про войну писал для газеты. Про героев.

— Значит, сам не воевал?

— Говорит, и воевать приходилось.

— У него и автомат был?

— Давали, когда на передовую ходил.

— И фашистов он убивал?

— Раз стрелял, наверное, и убивал. Пойдём-ка дальше, а то время зря идёт.

Друзья начали пробираться сквозь густые заросли. Вдруг Вадик, который шёл впереди и уже почти выбрался из кустов, услышал, как Саша с досадой воскликнул:

— Ах ты!..

— Что случилось?

— Да очки веткой сшибло...

— Ладно, ты поищи их, а я пока разведую, что вокруг делается.

Вадик оглядел открывшуюся перед ним часть луга.

Впереди, справа и слева — снова островки кустов. Вадик пригнулся, побежал направо, к ближайшему островку. Не добежав, упал, притаился за бугорком: ему показалось, что в кустах кто-то прычется. Тогда он прижался к земле и осторожно

пополз к кустам. Если там засел разведчик, Вадик внезапно нападёт на него и захватит в плен. Главное — внезапность.

Вот они, кусты. Вадик прислушался. Всё вроде тихо... Тогда он чуть приподнял от земли голову, огляделся по сторонам. И вдруг свист синицы: «Двинь, двинь!» Только два раз свистнула и смолкла. А может, это не синица, а вражеский разведчик сигналил? Может, в этих кустах один скрывается, а где-нибудь рядом — другой? Тогда надо ждать ответного свиста, а потом ползти назад, к Саше, чтобы сообща напасть на неприятеля. А жутко так лежать, когда с обеих сторон засели враги...

Свист повторился. Теперь он слышался левее, из других кустов. Что делать? Ползти назад, к Саше, или действовать одному? Пожалуй, назад опаснее. Пальнут в спину «трах-тах-тах» — и нет тебя. Лучше вперёд, только тихо-тихо... И не прямо, а в обход...

По счастью, Вадик обнаружил неподалёку сухую канаву, по которой, согнувшись в три погибели, добежал до подозрительных кустов. Там всё было спокойно. Он раздвинул ветки калины, на которых жаром горели гроздья алых ягод, пробрался внутрь, сжимая в руках автомат. Вдруг рядом что-то зашуршало, и из кустов выпорхнула птичка. У разведчика от неожиданности ёкнуло сердце, по спине поползли противные мурашки. Фу-у! Зря старался Вадик, не было тут никакой вражеской засады, не то птичка раньше бы улетела!

Вадик пробрался сквозь кусты, по дороге щипнул ягодку калины, бросил в рот. Горькая... А на душе было хмуро, беспокойно. Не получается у него разведка! И куда подевались эти «зелёные»?

И вдруг крик:

— Ва-а!..

Что это? Кажется, Сашин голос... Что с ним случилось? Какая беда? Скорей, скорей на помощь! Вадик бегом кинулся к тому месту, где расстался с Сашей, ругая себя на чём свет стоит.

«Ну и дурак я! Оставил его одного, без очков... Ведь он близорукий! Как он их найдёт? А может...»

И тут он увидел: прямо на него шли два вражеских бойца, с автоматами, а между ними Саша.

Вадик мгновенно упал в траву, пополз к ближайшим кустам и оттуда стал наблюдать. Ага, Саша всё-таки нашёл свои очки. Рот у него завязан тряпкой, вот, значит, почему он так странно крикнул. Руки заведены назад и связаны. Один конвоир идёт впереди Саши, другой позади. У идущего сзади за спиной висит второй автомат — трофейный.

«Что же теперь делать?» — лихорадочно соображал Вадик.

Что делать? Из-за него попал в беду Саша, лучший друг, настоящий... Что он теперь думает о Вадике? А что скажуг вожатые, ребята? Надо его выручить! А как? Вот они всё ближе, ближе... «Зелёные» довольны, улыбаются. Ещё бы — поймали «языка»! Может, дать по ним очередь из автомата? Нельзя, так можно и Сашу убить. А если броситься на заднего и крикнуть Саше: «Бей переднего»? Так ведь у него руки связаны, он бить не может... Тогда передний откроет огонь, Вадик будет считаться убитым, а Саша всё равно попадёт в штаб к «зелёным». Эх, Саша, до чего же ты сейчас грустный! Идёшь, верно, и думаешь: «Вадик, Вадик, куда ты подевался? Зачем оставил меня одного? Не знаешь ты, что друг твой попал в позорный плен...» Но ничего, Саша, крепись! Вадик придумает, как тебя спасти! Он уже придумал!

Едва только Саша под конвоем неприятельских солдат поравнялся с кустами, Вадик громко крикнул:

— Отряд, слушай мою команду! Окружай! Бери их живьём!

Перепуганные вражеские разведчики подумали, что наткнулись на засаду «синих» и пустились наутёк, а Саша, узнавший голос друга, ткнулся носом в землю. Тут уж Вадик пустил в ход автомат.

— Трах-тах-тах! Трах-тах-тах! Витя, падай, ты убит! Ты, Генка, тоже падай: я тебе ноги поранил! Бросай оружие и сдавайся!

Как ни обидно было Вите с Геней, но пришлось им покориться. Правила игры — закон!

Вадик быстро освободил Саше руки, сорвал тряпку, которой был завязан его рот. Потом оба они подбежали к поверженным врагам, отобрали у них автоматы, а с рукава Вити сняли зелёную повязку, без которой тот не мог больше сражаться. Затем ребята доставили раненого «языка» в штаб «синих».

Саша во всех подробностях описал Майе подвиг Вадика, и она как командир отряда представила рапорт в штаб. В рапорте этом не был позабыт и Саша, о мужественном поведении которого рассказал Вадик.

После военной игры все ребята их отряда очень зауважали Вадика: ведь он действовал, как самый настоящий разведчик. Он смелый, находчивый. Такие, как он, на войне самые нужные люди!

Командование объявило Вадиду благодарность, и по поста-

новлению совета дружины он был снова, уже во второй раз, удостоен вызова на флаг.

А Вадик... В тот день он почему-то всё думал о своём отце, герое войны Михаиле Куранове...

ПИРОГИ С МАЛИНОЙ

Говорят — аппетит приходит во время еды. О еде тут, конечно, к слову сказано. Просто чем больше случается с некоторыми людьми хорошего, тем жаднее они становятся на это хорошее.

Так и с Вадиком получилось. После шумного успеха в военной игре его одолела жажда славы. До отъезда оставались считанные дни, а его только два раза вызывали на флаг. Некоторые ребята удостоились этой чести, трижды, даже у малыша Миши было три вызова, последний — за то, что заметил лесной пожар и поднял тревогу. Подумаешь, герой! И Вадик бы сделал то же, если бы увидел, и любой из ребят. Мише просто повезло. Неужели же ему, Вадику, не повезёт? Не может быть! Он обязательно ещё раз отличится. И тогда старший пионервожатый объявит на линейке о его подвиге и скамандует:

«Пионер Вадим Куранов, выйти на флаг!»

И Вадик уже не робко, как в первый раз, и даже лучше, чем во второй, ответит:

«Есть выйти на флаг!» — и, чеканя шаг, пройдёт к мачте.

Раздастся команда:

«Поднять флаг!»

Торжественно просигналят горны, зарокочут барабаны, и Вадик с кем-нибудь вдвоём (лучше бы с Сашей, как после военной игры) медленно и плавно начнёт поднимать в небо алый лагерный флаг. И вся дружина будет смотреть на Вадику, удивляться его героизму.

Эх, если бы, если бы...

И вот случай отличиться вроде бы представился.

Повара задумали напоследок побаловать ребят — напечь для них пирогов с малиной. А малина, как известно, растёт в лесу. И два отряда, второй и третий, были отправлены в лес по ягоды. Остальные в этот день были заняты: первый отряд дежурил, другие, самые младшие, смотрели спектакль приехавшего из Чебоксар кукольного театра.

Воспитательница Валентина Васильевна много лет проработала в лесной школе и хорошо знала здешние места. Она и возглавила поход. На вкусный промысел отправились восемьдесят ребят — все с алюминиевыми кружками в руках. А четверо взрослых — две воспитательницы и две вожатые — несли по эмалированному ведру. Тимоше велено было также прихватить с собой горн, чтобы трубить сбор. Глядя на него, и Максимка нацепил свой барабан. Только Валентина Васильевна запретила им зря шуметь в лесу, чтобы птиц не распугивать.

День стоял мягкий, солнечный. В лесу было тихо. Сладко пахло хвоей. Вдоль просеки тянуло тёплым ветерком. Изредка посвистывали синицы, откуда-то сбоку слышались глухие постукивания, вроде коротких автоматных очередей: «Тук-тук-тук... тук-тук-тук...» То чёрный дятел трудился на дереве, заражённом короедом. По обеим сторонам просеки уходили в небо красноватые стволы сосен, тут и там между ними темнели мохнатые ёлки.

Миновали один лесной квартал, другой... И вот справа на пригорке увидели громадную старую сосну. Тут Валентина Васильевна велела всем остановиться.

— Запомните эту сосну, ребята. Здесь у нас будет сборный пункт. Сейчас мы пойдём в глубь леса. Первое и второе звено третьего отряда идут со мной, третье и четвёртое — с Ниной Павловной, первое и второе звено второго отряда поведёт Галина Ивановна, третье и четвёртое — Алина Михайловна. Через два часа по сигналу горна собираемся тут, под большой сосной. Всем понятно?

— Да! Всем! — закричали ребята.

— Теперь послушайте, как следует вести себя в лесу. Двигаемся на север. Каждая группа идёт отдельно. Старайтесь не

терять из виду товарищей, чаще перекликайтесь. Тот, кому повезет напасть на ягодное место, должен позвать на него ребят из своей группы. Как только наберёте полную кружку, ссыпайте ягоды в ведро к руководительницам, а уж они будут вести учёт, кто сколько малины принёс. И, конечно, тот, кто наберёт больше всех, будет у нас победителем соревнования.

— Малиновым чемпионом! — подхватил Максимка.

— А за это дадут два куска пирога? — озабоченно поинтересовался Миша.

Кругом засмеялись.

— Кто о чём, а нашему Мише только бы живот набить, — съехидничал Тимоша.

— А что! Ему ещё вон сколько расти надо, чтобы тебя догнать, — не отстал от него и Максим.

— Ладно, смейтесь! А я, чем пирога дожидаться, лучше малину есть буду, — не растерялся Миша.

— И я буду есть, — заявил Гена из второго отряда, тот самый, которого Вадик взял в плен во время военной игры. — Ягоды вкуснее, чем пирог.

— Вот человек! Что он болтает?! — возмутился Саша.

— Пускай, пускай! — шепнул ему Вадик. — Они будут есть, а мы с тобой не будем, и наберём больше всех!

— Разумеется, ягоды есть можно, — пояснила Валентина Васильевна. — Но только, чтобы и кружки были полные. Не забудьте про соревнование! Вы ведь сегодня — кормильцы дружины.

— Ребята, накормим дружину пирогами! — крикнула Майя.

— А как же! Накормим! — слышалось со всех сторон.

— Ну, желаю успеха! — сказала Валентина Васильевна.

Она первая повела свою группу в чащу; следом двинулись остальные.

Ребята разбрелись по лесу. Юркий Миша оказался впереди всех. И уже через минуту слышался его звонкий призыв:

— Ребята, сюда! Здесь малина!

Вадик и Саша кинулись на зов. Но в «месторождении», от-

крытом Мишей, ягод оказалось не так уж много, и их быстро обобрали.

Побежали дальше. Высоких деревьев становилось всё меньше, пошло мелколесье, осинки да берёзки, молодые ёлочки да кусты можжевельника.

Вадик решил не отставать от Миши: Саша всё норовит с отрядом ходить, с ним много не наберёшь, а Миша прыткий и лес знает.

— Айда вперёд! — торопил Вадик товарища.— Там ягод больше будет.

Изредка они натыкались на кусты малины, но настоящих зарослей всё не встречалось. Вадик старательно собирал ягоды в кружку, а сам делал вид, что больше кладёт в рот.

— Ох и вкусные! — сообщал он приятелю.— Я всё ем и ем. А ты, Миша, ешь? Ещё успеем в кружки набрать.

Ребята аукались где-то в стороне. Вадик им не откликнулся. Промолчал, даже когда его позвал Саша. И Мише запретил кричать.

— Молчи, молчи! — повторял он.— Когда сигналы горна услышим, тогда и придём.

Они шли всё дальше и дальше, незаметно отклоняясь на северо-восток. И вдруг, спустившись в низинку, наткнулись на настоящие малиновые джунгли.

— Вот оно, урожайное место!—с тихим торжеством сказал Миша.

— Ух ты!.. Вот это да! — воскликнул поражённый Вадик.

— Тут на всех хватит. Надо ребят позвать.

— Что ты? Не надо! — испугался Вадик.—Только нашли— и сразу звать... Сперва сами побольше наберём, потом уж позовём.

— Так нечестно будет! — возмутился Миша.— Забыл, как договаривались?

— Ну зови их, зови, коли победителем быть не хочешь...

— Я хочу, только по-честному.

— А что же тут нечестного? Думаешь, другие дураки? Небось давно сами на урожайные местечки напали. Слышишь —

примолкли, аукаться перестали. Каждому охота на флаг выйти.

— Думаешь, на флаг вызовут? — насторожился Миша.

— А то нет! Отличились — и вызовут. Ну ладно, хватит болтать, работать надо.

И тут вдруг Миша бросил собирать ягоды, пристально поглядел в лицо Вадику и сказал:

— Знаешь, я лучше к ребятам пойду, а ты уж тут один... отлучайся.

— Ты что, очумел? Уходишь от такой силы ягод? — удивлённо проговорил Вадик.

— Собирай их, выходи на флаг... Скучно мне с тобой, я к ребятам хочу.

И Миша начал выбираться из низины.

Вадик понял, что он не шутит.

— Погоди!.. — крикнул он вслед Мише. — Ну, зови сюда ребят! Зови...

— Сам теперь зови! — откликнулся тот из-за кустов.

Вадик постоял, прислушиваясь. Неужто Миша и в самом деле ушёл? Нет, спрятался, верно, в кустах и ждёт, что Вадик струсит и побежит за ним. Как же, дожидайся!

— Прячься, прячься! — сказал он. — Думаешь, испугаюсь? И ни капельки даже! Тебе малину лень собирать, вот ты и прячешься. Тоже, игру затеял!

Вадик ждал, что вот сейчас, сию минуту раздастся звонкий смех, из кустов выскочит Миша и скатится в низинку. Но вокруг стояла тишина. Лишь с той стороны, куда ушёл Миша, время от времени доносился тихий хруст. Ветки он там, что ли, ломает?

Звуки эти с каждой минутой удалялись, делались всё глуше, и наконец совсем смолкли. У Вадика упало сердце. «Ушёл...» — подумал он и вдруг громко закричал:

— Ми-ша-а!.. А-у-у!..

«А-у-у!»

Кто это? Миша или эхо? Да нет, Миша! Это его голос, как звонок тоненький!..

— Ми-ша-а! Ты меня слы-ы-шишь?

— Слы-шу-у!

Вадик повеселел: не один он тут, в лесу. Может, и другие ребята услышат их переключку, придут сюда...

— Ми-ша-а! А-у-у! — ещё громче крикнул он.

— Ау-у! — откликнулся Миша.

— Ми-ша-а! Найди наших и приведи сю-да-а! Понял?

— Да-а!

— Приведёшь?

— Ла-дно-о! Только почаще аука-ай!

— Хо-ро-шо-о!

Вадик успокоился и вновь принялся собирать ягоды, не забывая время от времени аукать. Вначале он обращался только к Мише, потом — вообще к ребятам.

— Ау-у! Ре-бя-та-а!.. Я zde-есь!

Пусть приходят. Малины тут полно, на всех хватит. Правда, его бывший отчим в драку бы полез, никого не пустил бы. А Вадик ухватит и того, что он наберёт до их прихода. Вот уж и кружка полна. Куда бы её высыпать? Будь тут рядом Валентина Васильевна, так высыпал бы в ведро, а теперь как быть?

— А кепка на что? — сообразил Вадик.— В неё, считай, полведра влезет. Ну, не пол, так четверть ведра. Только испачкается она, мама ругаться будет...

Вадик и не заметил, как начал разговаривать вслух.

— Нашёл! — обрадованно воскликнул он.—Кепку я внутри листьями выстелю!

Он нарвал листьев папоротника, застелил ими дно и бока кепки, высыпал туда малину и снова принялся собирать. За работой он и позабыл аукаться, а когда вспомнил и закричал, Миша уже не ответил — далеко, видно, ушёл, не слышал. Ну что ж, скоро он приведёт сюда ребят. А пока надо собирать малину и не думать ни о чём страшном — ни о волках, ни о медведях. А медведь сюда наведается, так Вадик ему свою малину оставит, а сам — наутёк! Дед Магась говорил — медведи сладёны, страсть как малину любят.

Вот и ещё одна кружка полна, и ещё..

«Эх, малина-ягода, сладкая, пахучая, и почему ты у нас в лесу не растёшь? Там я каждый уголок облазил. По осени больше всех грибов набираю. Росла бы ты, малина, в нашей стороне, я бы только и делал, что собирал. А тут лес чужой, страшный, не знаю я его...»

Что это так вдруг скучно стало? Скорей бы ребята шли... Долго их что-то нет. Может, Миша заблудился, не нашёл их? А что если... Что если он вовсе не придёт? Заманил Вадика в эту глухомань и бросил — на вот тебе, потрясись тут от страха! Будешь помнить солёный компот!

Только ничего, не пропадёт Вадик, сумеет и до лагеря один добраться! И ягод принесёт, и на флаг его вызовут! Они на север шли, солнце было справа и чуть сзади. А где оно сейчас? Вадик глянул вверх—солнца не было. Всё небо обложили тучи. Вот оно что, дождь, видно, собирается... Скорее, скорее бежать в лагерь!

А куда — в лагерь? В какой он стороне? Когда малину собирал, солнце вроде бы со спины грело,— значит, там юг. И Волга там, и лагерь. А почему тогда Миша ушёл вправо?

Вадик ссыпал последнюю кружку малины в кепку, осторожно поднял её и собрался уже идти, когда услышал совсем близко какой-то треск. Вадик обернулся и обмер: прямо на него из кустов вылезала громадная рогатая голова. Лось...

И тут над лесом треснуло и прокатилось, и зарокотало... Ошеломлённый этим неожиданным громовым ударом, Вадик споткнулся о пенёк и упал. Кепка, кружка разлетелись — что куда. Вадик тут же вскочил, схватился искать кепку. Она оказалась пустой, все ягоды рассыпались. А сзади уже слышалось сопение и опять показалась лосиная морда. И Вадик снова пустился бежать, не успев даже подобрать кружку.

— Ой... помогите! — кричал он.

— Ва-а-ди-ик! — послышалось откуда-то справа.

Неужто Миша?! Не веря ещё в это счастье, Вадик всё же заорал во всю мочь:

— Ми-и-ша-а! Где-е ты-ы?..

— Я где-есть! — слышалось уже совсем близко.

И почти тут же навстречу Вадику из-за кустов выскочил Миша.

— Ты что такой? Почему кричал?

— Он... он за мной гонится!

— Кто — он?

— Чёрт рогатый!..

— Кто? — не понял Миша.

— Лось...

— Полезай скорей на дерево! — скомандовал Миша.

— А ты?

— Я за тобой.

Мальчики быстро вскарабкались на большой корявый вяз. И тут же из кустов вышел лось. Постоял, подумал, подошёл к вязу и ткнулся носом в его ствол.

— Гляди, он хочет дерево свалить!..— ужаснулся Вадик.

— Не-е, он просто нос чешет: туда, верно, какая мошка залезла. Глянь-ка, у него нога тряпкой перевязана! Уж не тот ли это лось, которого здешний лесник вырастил? Помнишь, начальник лагеря рассказывал?

— Угу. Он был маленький, когда его матку бандиты убили.

— Браконьеры,— уточнил Миша.

— Ну — браконьеры, какая разница...— пробурчал Вадик.

— А красивый он! — восхищённо проговорил Миша. Такой большой... И рога важные. Хочешь, я к нему спущусь?

— Не побоишься? — усомнился Вадик.

— А чего его бояться? Он ручной, не тронет.

Миша спустился вниз, сорвал пучок травы и предложил лосю. А тот вытянул шею, ну точь-в-точь, как теленок на ферме, где Вадикова мама работает, и мягкими губами стал забирать траву.

— Спускайся, чего боишься?! — крикнул Миша приятелю.

— И вовсе не боюсь!

Он спрыгнул на землю, тоже сорвал для лося травы. Лесной великан не побрезговал, принял и его угощение. Тут Вадик совсем осмелел.

— У, чёрт рогатый! — обругал он лося.— Из-за тебя без ягод остался, кружку потерял! А ну, пошёл отсюда!

Лось, будто сознавая свою вину, покорно побрёл в чашу.

— За что ты его так? — с упрёком сказал Миша.—Разве он виноват, что ты...

— Что — я? — зло перебил Вадик.— А кто убежал? Кто одного меня оставил?

— Сперва я только в шутку... Попугать тебя хотел,— принялся оправдываться Миша.— А потом ты крикнул, что ребят привести надо, ну я и пошёл.

— А где они, твои ребята?

— Я до них не дошёл.

— Скажи лучше — не нашёл!

— Не, я голоса слышал уже близко. Только тучи нашли, я подумал: гроза будет, испугаешься ты, может, ещё и заблудишься, ну и вернулся.

— А как же ты сам не заблудился? И сюда как дорогу нашёл? — уже более милостивым тоном спросил Вадик.

— Я, когда туда шёл, сучки заламывал и метки оставлял. По ним и вернулся.

Ребята чуть помолчали. Вадик как-то притих, осунулся. Вдруг он сел на землю, обхватил голову руками.

— Ты что это? Что?..— всполошился Миша.

— Не пойду я в лагерь... — еле слышно сказал Вадик.

— Почему это не пойдёшь?

— Не пойду — и всё... Перееду через Волгу, а там как-нибудь на попутках доберусь до своего района... Я маленький, авось без денег довезут.

— Да почему?

— Не хочу возвращаться. Смеяться надо мной будут...

— Кто?

— Ребята... Ты — первый... Саша... Вот, мол, отличиться хотел, на флаг выйти, а хуже всех оказался! А я виноват, да?!

Миша в ответ только вздохнул. Потом осторожно спросил:

— И много у тебя ягод было?

— Четыре кружки.

— Ладно, бей... Не обижусь.

— За что мне тебя бить? Меня бы самого кто побил — легче бы, кажется, стало...

— А тебя за что?

— За дурную башку. И почему это всегда так: только задумаю отличиться — обязательно провалюсь!

— Да разве в военной игре ты провалился?

— Там я про другое думал. Я Сашу спасал. И «языка» для наших добыть старался.

— А на футбольном матче?

— Тогда я про отличия и не помнил. Просто выиграть хотел.

Снова замолчали друзья.

— А может, так оно и надо: дело делать, а про то, что отличишься, не думать? — предположил Миша.

— Мне про многое думать не надо. Или нет — надо думать, только не так. Вот ты сегодня ушёл, а я решил, что ты меня со зла тут кинул, за солёный компот отплатить хотел...

— Ой, честное слово, нет! Зачем ты так? Не надо, молчи!..

Но на Вадика уже нашёл покаянный стих.

— Нет, слушай! И про компот. Я ведь тогда наврал. Компот я нарочно посолил, только не для тебя.

— А для кого?

— Для Майи. За то, что она у меня флажок отнять хотела. А выходит, сам я хуже всех...

— Да нет, неверно это всё! Ты понял — значит, больше так не будет! И никто над тобой смеяться не станет, — старался утешить его Миша.

Вадик пристально поглядел на товарища.

— Ты правда так думаешь? Не врешь?

— С чего это я врать буду? Идём-ка отыщем твою кружку и хоть немного ягод наберём.

Между тем раскаты грома слышались всё реже и глуше — гроза проходила стороной. Снова выглянуло солнце. Теперь

оно стояло высоко и палило вовсю. Два часа, как видно, давно миновали, здорово хотелось есть.

Ребята бродили между кустами, разыскивая пропажу.

— Нашёл! — крикнул Миша. — Вот она, твоя кружка. Теперь айда по малину!

Но тут из леса донёсся грохот, слышались голоса:

— Ва-а-ди-ик! Ми-и-ша-а!

— Слышишь, Миша? — вскинулся Вадик. — Вот и горн затрубил... И барабан...

— Ура-а! Ребята идут! Ау-у! Мы где-есь! — закричал Миша и бросился на голоса.

Вадик побежал за ним.

Первым навстречу им выскочил Саша.

— Я думал, вы к другой группе пристали, — словно оправдываясь, объяснил он. — А когда все собрались у сосны, гляжу — вас нет...

— Мы с Мишей и не заметили, как в сторону отошли... — не глядя ему в глаза, сказал Вадик.

— А Валентина Васильевна говорит: «Надо их искать».

— Мы бы и сами нашлись. Верно, Вадик? — заявил Миша.

— Конечно!

— Так ведь думали, что вы заблудились, — сказал подоспевший Тимоша. — Такой шум в лесу подняли! Я то и дело горнил.

— А я барабанил! — вставил Максимка.

— А мы кричали! — подхватили окружившие их ребята.

— Молодцы! Все молодцы! — похвалила их Нина Павловна. — А теперь быстрее домой!

Они вернулись в лагерь на час позже назначенного срока, но зато принесли целых четыре ведра малины! И к ужину напекли пирогов — сладких, душистых, удивительно вкусных. Вадик и Миша хотели было от них отказаться: ведь ягоды-то собрали не они, а другие.

Но дежурные прикрикнули на них:

— Ничего не знаем. Ваши порции, вы и ешьте!

Максимка, конечно, не упустил случая сострить:

— Им за их труды по два куска полагается!

Но никто почему-то не засмеялся, а сидевший по соседству Саша, толкнул его локтем и прошептал:

— Молчи! Не знаешь, когда можно шутить, а когда нет...

ПОСЛЕДНИЙ ПРАЗДНИК

После неудачного похода в лес Вадик совсем пал духом. Всё для него тут кончено, ничего интересного больше не предвидится, скорей бы уж домой. Он бы и на закрытие лагеря не пошёл, если бы не Саша.

Услышав, что Вадик собирается весь вечер просидеть у себя в спальне, Саша загадочно улыбнулся и сказал:

— Пожалеешь.

— А что там будет, концерт, что ли? — спросил Вадик.

— И концерт, и другие интересные вещи.

— А что именно?

— Придётся — узнаешь. Ну я, потопал, нам велели собраться пораньше.

И Саша убежал.

О каких интересных вещах он говорил? Он член совета дружины, знает, конечно, всю программу. Но почему Вадику не сказал? Что там может быть?

«Пойду! — решил Вадик. — Хоть послушаю напоследок, как Саша стихи свои прочтёт. Интересно, понравятся они ребятам?»

Не случись эта история со сбором ягод, Вадик и сам бы сегодня выступил: Майя ещё утром спрашивала, не хочет ли он принять участие в концерте. «Нет!» — хмуро отрезал ей Вадик. А ведь мог бы... Конечно, он не поэт, как Саша, но стихи любит и читать умеет. Весной, в День Победы, выступал даже на школьном вечере. Он тогда прочёл стихотворение Михаила Сеспеля¹ «Жизнь и смерть» — про героя граждан-

¹ Михаил Сеспель — основоположник чувашской советской поэзии.

ской войны, который «за дело правое убит». Совсем как Вадиков папа: ведь и он погиб за правое дело и о нём можно было бы сказать:

До последнего, пока дышал,
Знамя коммунизма он держал...

А дальше — ну совсем про него и про маму:

Дома ждёт жена твоя, любя,
Спрашивает сын твой про тебя...

Когда он весной учил эти стихи, мама вдруг заплакала... Тогда-то и рассказала она Вадиду о его настоящем отце.

Да, такие стихи стоило бы прочесть на прощальном вечере. Только Вадик побоялся. «А вдруг собьюсь! Опять позор? Нет уж...» И отказался.

Эстраду поставили на зелёном лугу, украсили её сосновыми ветками, флажками, гирляндами разноцветных лампочек — красных, зелёных, синих. Посреди эстрады — стол, на нём цветы. Красиво получилось, лучше даже, чем на школьном вечере.

К приходу Вадика все передние скамейки оказались занятыми.

— Вадик, иди к нам! Здесь место есть! — крикнули ему девочки из их отряда.

Ещё что! Будет он сидеть с девчонками! Лучше уж где-нибудь подальше устроиться.

И грянули горны, и рассыпали дробь барабаны, и выплыло на эстраду знамя, и застыл в салюте почётный караул. Последний, прощальный вечер лагеря начался.

Начальник лагеря сказал речь про то, как отдыхали, что делали. И про то, что после хорошего отдыха и учиться надо отлично. А потом гость из Чебоксар говорил: называл лучших воспитателей, вожатых и пионеров, и всем им передавал почётные грамоты, которыми их обком комсомола наградил. И Нина Павловна получила такую грамоту. И Майя. Ух, как им хлопали!

«Вот они — интересные вещи!» — думал Вадик. Ему вдруг стало легко, весело. Он все ладони себе отбил, аплодируя награждённым.

— Молодец наша Нина Павловна! — твердил он своим соседям. — И Майя хоть и девчонка, но тоже мировая. Только я бы ещё Сашу наградил.

— А я бы тебя, — сказал кто-то из ребят, не поймёшь, в шутку или всерьёз.

— Ладно тебе! — отмахнулся Вадик. — Меня награждать не за что.

Потом вышел старший пионервожатый и огласил приказ по лагерю — тоже о награждении. Воспитательницы... Вожатые... Пионеры... И вдруг... Может быть, Вадик ослышался?

— Куранов Вадим!

— Иди же! Иди! Что ты сидишь?

И Вадик, с трудом удерживаясь от желания побежать, пошёл к эстраде. А ребята хлопали. Здорово хлопали!

Когда он вернулся на своё место с Почётной грамотой Республиканского пионерлагеря, к нему потянулись сидевшие рядом ребята:

— Покажи!

— Покажи!

И Вадик, смущённый и радостный, всем давал смотреть свою грамоту, только просил:

— Осторожней, ребята! Не порвите...

А когда торжественная часть была окончена и объявлен перерыв, он побежал к себе в спальню и там, наедине, прочёл грамоту от первого до последнего слова: «За примерное поведение... За активное участие и отличия в спорте и военных играх... пионер Вадим Куранов...»

Вадик спрятал свою грамоту в чемодан и поскорей вернулся к ребятам, теперь-то уж он пробудет с ними до самого конца! А концерт получился отличный: и хор, которым дирижировала Майя, хорошо пел, и Миша, даром, что самый маленький в отряде, так отплясал чувашский танец, что, глядя на него, у всех ребят ноги ходуном ходили. Миша тоже грамоту полу-

чил. И Саша. Жаль только, что стихи свои он прочёл неважно. Стеснялся, что ли? Но ребята ему всё равно хлопали, потому что стихи эти были про них, про лагерь, про конец лета. Так они и назывались: «Прощай, лагерь».

На следующее утро наступило время настоящего прощания. Как не хотелось Вадику расставаться с Сашей и Мишей! Но истинной дружбе не помешают никакие расстояния — и они обменялись адресами, обещая обязательно писать друг другу.

А потом вожатые и воспитатели отвезли ребят в город, кого посадили на пароход, кого в поезд. Вадик и другие ребята, вместе с которыми он ехал в лагерь, добрались до своего районного центра в автобусе. На счастье Вадика, как раз в этот день туда прислали Африкана, молотобойца из кузницы, так что до деревни они доехали быстро, в кузове машины, загруженной железными брусьями.

— Ну, как отдохнул, герой? — спросил Африкан.

— Неплохо... Нет, хорошо, очень хорошо! — ответил Вадик.

И СНОВА ДОМА

Калитка скрипнула так знакомо, так приветливо. Вадик вошёл во двор, огляделся. Словно бы всё то же, и как будто не то... Пожелтела, выгорела трава, рябину возле крыльца будто красной краской побрызгали. Тихо. На двери замок. Не замок — одна видимость, сигнальный знак: хозяев, мол, дома нет. Вадик знал, что в это время мама обычно бывает на ферме, но всё-таки вздохнул: жаль, что не встретила. Поднялся на крыльцо, поставил на пол чемоданчик, разомкнул дужку замка. И вдруг у ног что-то тёплое, мягкое урчит, ластится.

— Васька, пострелёнок! — обрадовался Вадик и подхватил на руки кота.— Узнал хозяина! Встретил! Да какой же ты большой стал, чертяка черномазый! Что мурлычешь? Соскучился? Я тоже.

Тут, услышав его голос, завозился, захрюкал в своём хле-

ву поросёнок. А из-за соседнего забора раздался ликующий вопль Аркаши:

— Вадик приехал!

Единым духом примчался он во двор, вбежал на крыльцо и, запыхавшийся, радостный, остановился возле Вадика.

— Приехал, значит?..

— Как видишь,— солидно ответил Вадик.— А здороваться за тебя кто будет? — спросил он, спуская на пол кота.

— Ой, от радости позабыл... Здравствуй!

— Ну, здравствуй! — Вадик крепко пожал руку приятеля.

— Ой, больно! — пискнул Аркаша.— Какой ты здоровый стал!

— Четыре кило прибавил.

— Ух ты!

— А как тут моя мама без меня жила?

— Хорошо. Мы ей помогали: когда вам дрова привезли, мы их перепилили, раскололи и в сарай сложили.

— Кто это вас просил?

— Никто, мы сами... Илька с Микулей придумали. У тебя ведь отец на фронте погиб.

— Всё без меня...— досадливо пробурчал Вадик.— А на сусликов охотились?

— Ещё как! На старом кладбище теперь все норки пустые. А суходол трактором перепахали, так что нет у нас больше сусликов.

— С кем же ты охотился?

— Мы все вместе...

— А деньги как разделили?

— Деньги общие, на книжку положили.

— Как это — общие? Что ты темнишь?

— А вот так. На общее дело.

— Ничего не пойму! Надули, верно, тебя, дурачка. Ладно, в другой раз будешь знать, как клятву рушить.

— А ребята тебя за эту клятву...— Аркаша вдруг запнулся.

— Что — ребята? Ну, ну, начал, так договаривай!

— Только ты не говори, что это я...

— Не бойся, не выдам! Так что ребята?

— Они хотят тебя на сборе отряда обсудить.

— За что это? Пусть попробуют! Сами заработанных денег не отдают, а туда же — обсуждать!

— Но ты про меня им не скажешь?

— Говорю тебе — не бойся! Я друзей не выдаю. А сейчас айда на ферму. Я ещё маму не видал. По дороге поговорим.

— Идём.

Вадик внёс свой чемодан в избу, и друзья вышли на улицу. Но только они завернули за угол — навстречу им Илька с Микулем.

— Мику-уль! Иль-ка-а! — ещё издали закричал Аркаша.— Вадик прие-ха-ал!

— Ну, чего разорался? — сердито одёрнул его Вадик.— Они не слепые, сами видят.

Восторг Аркаши, конечно, льстил Вадикову самолюбию, но, по правде сказать, сейчас ему было не до друзей. Очень хотелось поскорее увидеть маму. Однако, что поделаешь, если ребята уже подходят, останавливаются, радостно улыбаются!..

— Привет, Вадик!

— С приездом тебя!

— Артековцам — пионерский салют! — важно отозвался Вадик.

Они обменялись крепкими, мужскими рукопожатиями, и никто при этом не охнул от боли. Да, Илька с Микулем тоже выглядели здоровяками. А загорели-то как! Особенно Илька. И без того смуглый, он так прожарился на южном солнышке, что стал смахивать на негра, каких Вадик в кино видел.

— Ну, рассказывай, как там у вас в лагере было?—первым приступил к нему Илька.

— Да-да, говори! — не отстал и Микуль.

— Сперва вы рассказывайте: вы раньше поехали,— возразил Вадик.

— Да про них я уж миллион раз всё слышал! — вмешался Аркаша.— Теперь я и сам могу про Артек рассказать. Всё знаю. У них здорово интересно было. А у вас?

— И у нас интересно! — гордо ответил Вадик. — Мы прямо в лесу жили.

— В палатках? — восхищённо спросил Илька.

— Нет. В большом деревянном доме. Он посреди леса стоял. А купаться мы на Волгу ходили.

— А мы жили в каменном дворце—огромном-преогромном! На самом берегу Чёрного моря,— сказал Микуль.

— И купались прямо в море,— добавил Илька.

— И видали там тильфинов! — поторопился вставить Аркаша.

— Дельфинов,— поправил его Микуль.

— А мы в зверинец ходили! — похвастался Вадик. — Видели там зверей разных, птиц.

— А нас в Москве в Зоопарк водили!

— И зверей там, птиц всяких в сто раз больше, чем в вашем зверинце!

— Там даже крокодилы живут и бегемоты! — внёс свою лепту Аркаша.

Вадик чувствовал, что в этом словесном сражении ему не выйти победителем, но всё же не хотел сдаваться.

— А нас в Чебоксарах в типографию водили, где газеты и книги печатают...

— Подумаешь! Мы там ещё в прошлом году были! — сразил его Микуль.

— А в этот раз они в Мавзолей Ленина ходили, в Кремль... — подоспел и Аркаша. — А в Чебоксарах кремль есть?

— Нету... — хмуро признался Вадик.

Да не такие они люди, Микуль да Илька, чтобы перед ними фасон держать. Вон сколько они повидали! Разве их чем удивишь? Даже Аркаше неинтересны рассказы Вадика. И другим, верно, скучно будет его слушать после того, как им миллион раз про Артек да про Москву рассказывали... Вот если бы он, Вадик, вернулся раньше Микуля с Илькой... А теперь лучше помолчать. Найдутся ведь ребята, которые ничего подобного не видали. Уж им Вадик опишет во всей красе и лагерь, и

Чебоксары, и зверинец, и музей!.. Тогда можно кое-где и приукрасить для интереса... Нет, нельзя! Никогда нельзя!

Вадику бы махнуть рукой, сказать: «Ладно, ваша взяла» — да побежать поскорее на ферму, а нет! Самолюбие не позволяло. И он пустил в ход свой последний козырь:

— А вы в Артеке флаг поднимали?

— Конечно, каждый день, — ответил Микуль.

— Каждый день? — удивился Вадик. — Сколько же у вас было пионеров?

— Наверное, полтысячи. Не меньше того.

— Полтысячи пионеров, и только вас вызывали? — недоверчиво усмехнулся Вадик.

— Куда вызывали? — не понял Микуль.

— На флаг.

— А-а, на флаг... Нет, нас не вызывали.

— Ни разу?

— А что тут особенного? — вступился Илька. — Знаешь, какие в Артеке пионеры? Все больше шестой да седьмой класс. С такими не потягаться.

— Ладно оправдываться! У нас тоже была большая дружина, много старших ребят, а я два раза флаг поднимал!

Вадик торжествовал победу. Лицо его расплылось в улыбку, в зелёных глазах плясали весёлые зайчики.

Микуль недоуменно переглянулся с Илькой. Можно ли поверить Вадику? Ведь он такой — ему и соврать недолго.

— Значит, тебя два раза на флаг вызывали. А про третий раз не забыл? — ехидно проговорил Илька.

— Не веришь?! — возмутился Вадик. — И ты не веришь? — обратился он к Микулю.

— Почему? Я верю, — сказал Микуль. — Только вызов на флаг — большая честь. Расскажи, как заслужил.

— Сейчас мне на ферму надо, я ещё с мамой не видался. Приходите попозже — расскажу.

— А мы с тобой пойдём. По дороге и поговорим.

— Верно, пошли! — согласился Илька.

— Айда! — обрадовался Аркаша, который таким образом

избавлялся от необходимости выбора — идти ли ему с Вадиком или оставаться с ребятами.

До скотного двора было с километр ходу, так что Вадик успел поведать приятелям обо всех своих подвигах. Про ошибки и неполадки он упоминать не стал: что было, то сплыло, он-то навсегда запомнит, а портить бочку мёда ложкой дёгтя никому не хочется...

— А ты молодец! — сказал Микуль, выслушав Вадика. — Ну что ж, поздравляю! — и пожал ему руку.

— Поздравляю, дружище! — Илька хлопнул Вадика по плечу.

— И я, и я поздравляю! — прозвенел Аркаша.

— Спасибо, ребята! — растроганно отвечал Вадик.

— Да, ты тут сусликов истреблять затеял, — вспомнил Микуль. — Это ты здорово придумал. Мы без тебя с ними всем отрядом воевали.

— Слыхал уж... — снова помрачнел Вадик.

— Только напрасно в одиночку действовал, — заметил Илька. — Одному с ними нипочём не сладить.

— Как умел...— буркнул Вадик, покосившись на Аркашу.— Вас ведь не было.

Аркаша помалкивал.

— А на заработанные деньги хотим подарочный фонд основать,— сказал Микуль.

— Что ещё за подарочный фонд?

— Очень просто. У твоей мамы когда день рождения?

— В самый праздник, Седьмого ноября.

— Вот и купишь ей подарок.

— Да я ведь не ловил с вами сусликов...

— Ну и что же? Ты в лагерь ездил. Был бы в деревне, и ты бы ловил. Мы и твоей, и всем другим мамам подарки купим. И работать станем, чтобы в фонде всегда деньги были. Мы уже и с председателем колхоза договорились: на уборку картошки пойдём, там лишние руки всегда нужны.

— Но ведь я тоже на сусликах заработал. Правда, немного: всего восемь рублей и десять копеек. Возьмите и их в фонд.

— Идёт!

Такой уж радостный день выдался для Вадика. Он снова был дома, среди старых друзей, и друзья эти не пеняли ему за прежнее. Наоборот, они верили Вадику.

— Ребята, вы меня тут подождите, я скоро... А потом, как вернусь, ко мне пойдём.

Вадик юркнул в дверь коровника, минутку постоял, приглядываясь. По обеим сторонам широкого прохода расположились стойла, и в каждом — важная, сосредоточенно жующая корова. Время дойки. Звенят, ударяясь о стенки жестяных ведер, упругие молочные струи, то там, то тут слышится ласковый голос доярки, уговаривающей какую-нибудь Бурёнку или Звёздочку не упрямиться, стоять спокойнее. Пахнет навозом, свежим клевером, парным молоком...

Вадик тихонько шёл вдоль прохода, вглядывался в склонённые над ведрами фигуры доярок. Наконец — вот она! Чуть слышно, чтобы не испугать корову, окликнул:

— Мама! Это я... Здравствуй!

— Приехал, сынок?! Здравствуй, родной!

Обрадовалась Елена Сергеевна сыну, и глаза-то и зубы засверкали в улыбке, так бы и кинулась к нему, так бы и расцеловала! Но руки продолжали мерно двигаться, и струйки молока всё бежали в ведро — вжик-вжик... Нельзя до срока прерывать дойку — корова расстроится, не даст молока.

— Хорошо ли доехал, сынок?

— Хорошо.

— А как отдохнул? Доволен?

— Да. А ты тут как жила?

— Всё так же. По тебе скучала.

— И я, мам. Ты моё письмо получила?

— Получила. Спасибо, что написал. Хорошее письмо.

— Мам, тебе ещё долго?

— Семь коров. Ты меня ждать будешь или пойдёшь?

— Пойду. Там со мной ребята...

— Ну иди. Я к обеду буду. Если проголодался, поешь без меня — щи и омлет в печке.

— Хорошо, мам.

Вадик всё так же осторожно вышел из коровника, прижмурился от яркого солнца, огляделся по сторонам. Ух, как это здорово — поездить по разным чужим местам и снова вернуться домой!

— Ребята, пошли! — крикнул он друзьям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рысаки	3
На реке	4
Не так-то это просто	13
На охотничьей тропе	15
Если ты хороший человек...	21
С вами говорит военком	25
По отцу и сыну честь	26
Новые места — новые люди	33
Для чего существует почта	42
Всякие разные звери	49
Солёный компот	60
Болельщик по болезни	64
Настоящий разведчик	67
Пироги с малиной	73
Последний праздник	84
И снова дома	87

Для младшего возраста

Александр Дмитриевич Калган

ЛЕТО КРАСНОЕ

Повесть

Ответственный редактор

Р. Д. Кафриэлянц

Художественный редактор

И. Г. Найдёнова

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Корректор

З. В. Зайцева

Сдано в набор 26/VI 1973 г. Подписано к печати 24/X 1973 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 6. Усл. печ л. 5,58. Уч.-изд. л. 4,73. Тираж 100 000 экз. Заказ № 978. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Калган А. Д.

К 17 **Лето красное. Повесть. Перевод с чуваш. И. Кудрявцевой. Рис. А. Николаева. М., «Дет. лит.», 1973.**

95 с. с ил.

Повесть чувашского писателя о его юных земляках, сельских детях, о том, как они проводят летние каникулы.

К 0762—569 398—73
101(03)73

С(Чув)2

Цена 30 коп.